

Сводные

ОПАСНЫЙ.
ЗАПРЕТНЫЙ.
СВОДНЫЙ.

ЖАСМИН

СЕРИЯ «ЗАПРЕТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

МАЙЕР

18+

Жасмин Майер

Сводные

Серия «Запретные отношения»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69446722

SelfPub; 2023

Аннотация

Жизнь восемнадцатилетней балерины Юлии Дмитриевой меняется в одночасье, когда неизвестный парень в маске угоняет машину ее отца, Платона Дмитриева, не заметив девушку на заднем сидении. Костя Гронский, по прозвищу Кай, стритрейсер и лидер гонок без правил, он словно из другого мира, где нет закона и правил, и хорошей богатой девочке, грезящей балетом, с ним точно не по пути. Оба уверены, что никогда больше не встретятся, но у родителей оказываются свои планы. И когда Платон Дмитриев приводит Юлию знакомиться со своей будущей женой, именно он, опасный и непредсказуемый, именно Кай становится ее сводным братом. Но смогут ли они сопротивляться этому притяжению?

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Кай	14
Глава 1	14
Глава 2	33
Глава 3	46
Глава 4	50
Глава 5	59
Глава 6	78
Глава 7	83
Глава 8	89
Глава 9	92
Глава 10	100
Глава 11	121
Глава 12	131
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Жасмин Майер

Сводные

Жасмин Майер «Сводные»

*...в жизни нет героев, в жизни нет злодеев,
Есть только дорога и повод что-то сделать.
Егор Крид «В книге все было по-другому»*

Пролог

– Почему на тебе эта рубашка?

Десятая неделя, папа.

Сильнее кутаюсь в безразмерную фланелевую рубашку и не могу произнести ни слова. Только не отцу.

– Юля, ты меня слышишь? Ты ведь знала, что сегодня мы собираемся в ресторан. Я понимаю, что за время изоляции ты отвыкла выходить в свет, но, проклятье, это очень важный вечер для меня. Почему ты выбрала именно эту рубашку?

Отец смотрит на меня ярко-зелеными глазами. Я знала, что он будет возмущен моим внешним видом, но оказалось, что вся моя одежда ужасно тесная и неудобная. А еще я не успела заехать домой. Сойдя с московского поезда, я сразу поехала в ресторан, надеясь не растерять решимости.

Я совершенно не помню маму, и только благодаря фоткам знаю, что мы с ней совершенно не похожи. Я вылитая копия отца.

Раньше я не особенно скучала по маме. Папа сделал все, чтобы я не чувствовала себя обездоленной или одинокой. Чтобы у нас, пусть и вдвоем, была настоящая семья.

Но сегодня, выйдя из клиники, я впервые поняла, насколько одинока. Если бы ты только была жива, мамочка, я бы не села на поезд до Москвы, глядя только на флаер, ко-

торый мне спешно сунули в руки в клинике «Помощь подросткам в трудной ситуации»...

Без тебя, мама, помощь искать пришлось очень далеко. При взгляде на Ксению Михайловну¹ из московского центра я думала только о тебе, мама. Она была очень внимательна и накормила меня булочками.

Я бы очень хотела рассказать именно тебе, мама, о своей сумасшедшей первой любви. Ты бы меня обязательно поняла. Было ли тебе так же страшно, мама, когда ты поняла, что ждешь ребенка?

Мама умерла во время родов. Ей было всего лишь восемнадцать. Совсем как мне.

– Да что с тобой такое? Я задал тебе вопрос, Юля!

Набираю полные легкие, но договорить не дает официантка. Низко наклонившись, она ставит перед моим отцом чашку кофе.

Терпкий горячий аромат бьет в нос, едва не отправляя меня в нокаут. Обхватываю себя обеими руками, пытаюсь сдерживать тошноту. Фланелевая рубашка льнет к телу, как теплый котенок, и удачно скрывает округлившиеся бока, пока я делаю несколько глубоких выдохов.

– Спасибо... Лиза, – произносит отец, бросая заинтересованный взгляд на глубокий вырез, а потом на бейджик.

Теперь я хорошо знаю, что означает этот мужской небреж-

¹ Ксения Михайловна – героиня романа «Табу», серия «Запретные отношения». Поездка Юли в Москву происходит в последней главе романа.

ный взгляд.

Теперь я вообще знаю больше, чем хотелось бы.

Когда Лиза разворачивается, отец делает глоток кофе, небрежным взглядом окидывая ее задницу. Интересно, смотрел бы он так на нее, если бы Оксана была рядом?

А Кай? Он ведь тоже мужчина. Смотрит ли он так на других девушек, когда меня нет рядом? Или даже рядом со мной?

– Постыдился бы. Ты без пяти минут женат, папа.

– Следи за своим языком, Юль, – многозначительно замечает отец.

Поздно, папа. Не уследила. И не только за своим.

– Так что с этой рубашкой, Юля? Ты вроде так радовалась, что мы наконец-то сможем отметить нашу первую годовщину в ресторане, а в итоге пришла в этой тряпке. Или она только выглядит так, как будто ей лет тридцать, а на самом деле это брендовая шмотка из ГУМа?

Отец в жизни не уделял столько внимания моей одежде, но сейчас он нервничает. И не даром. Клетчатая сине-красная фланель до безумия неуместна рядом с дорогими платьями и безупречными костюмами, в один из которых одет и мой отец в такой значимый для нашей семьи вечер.

Эта рубашка даже старше меня. А еще она даже не моя. Она принадлежит Каю.

Отец оглядывает забитый ресторан, высматривая наших гостей. Оксана с сыном задерживаются.

– Говори уже, Юля. По тебе сразу видно, что что-то не так. Тебе нужны деньги? Новая машина? Что тебе в твои девятнадцать нужно, что ты так нервничаешь? У тебя сломался ноготь, ты набила тату или беременна?

Хватаю ртом воздух и сильнее обнимаю себя. Опускаю голову. Воздух сгущается в легких, а щеки вспыхивают. Пауза затягивается.

Ну же!

Брошенная вскользь фраза обретает вес. Крепнет и растет в удушающей тишине, накрывая наш стол куполом. Отец выпучивает глаза и выдыхает:

– Юля...

Самое время рассмеяться. Отмахнуться и сказать: «Что ты, папа, я не такая».

Но мне не смешно.

Кровь в венах становится похожа на кислоту, когда я со скрежетом отодвигаю стул и поднимаюсь на ноги прямо перед отцом. Я не смогу сказать это. Но я должна. Разговор с Ксенией Михайловной помог расставить все точки над і.

Я распрямляю плечи и разглаживаю на талии фланелевую ткань, которой больше четверти века. Онемевший отец переводит расширенный взгляд на мой живот.

У некоторых беременность протекает незаметно вплоть до третьего семестра, так мне сказали в женской консультации. Но из-за узкого таза и неудобья это не мой случай. Анатомия, которая столько раз меня выручила за время моей ка-

рьеры, на этот раз оказалась бессердечной сукой.

– Сколько? – цедит отец сквозь зубы. – Какой у тебя срок?

– Почти три месяца... Я не знала, папа.

Мой голос такой же серый, как небо над Исаакиевским. Только на горящий золотым пламенем купол я и смотрю, хотя голова кружится так, как не кружилась, даже когда я рискнула повторить знаменитые тридцать два фуэте².

– Что именно ты не знала в свои восемнадцать?! – кричит отец. – Что надо предохраняться? Что от секса бывают дети?! – он вскакивает на ноги и смахивает со стола все, что там было. – Кто отец этого ребенка? Кто этот мудака?! Твой Яков из академии? Да я его голыми руками придушу, но сначала обрезанный член вырву!

Ненавистный кофе нефтяным пятном разливается по белой скатерти.

Со звоном посуды мгновенно замирает ресторан. Люди не доносят вилки с едой до рта. Уставшие от карантинной изоляции, все рады внезапному спектаклю.

Столикам сбоку от меня достались лучшие места – им отлично виден мой живот, и для них трагедия ясна даже без либретто³. Зычный голос отца донесет подробности и до мест на галерке, никто из зрителей не уйдет обиженным.

² Тридцать два фуэте – символ балетной виртуозности. Первой, кто проделала 32 оборота на месте, была итальянская балерина. Впоследствии трюк повторила Матильда Кшесинская.

³ Либретто – текст музыкально-сценического произведения, например оперы, балета, оперетты и т. п.

Мне не привыкать к вниманию, но раньше после нескольких секунд тишины следовал взрыв аплодисментов. А я позволяла себе улыбку подрагивающими от волнения губами.

Я мечтала о бенефисе на сцене, но не таком. Но другого уже не будет.

Отец останавливается, тяжело дыша. В таком состоянии он, пожалуй, может сделать все, о чем грозился.

– Это не Яков.

– А кто тогда?.. – отец вдруг бледнеет. – Тебя ведь не...

– Нет, – качаю головой. – Меня не насиловали.

Я сама хотела этого, папа. Очень хотела.

Стеклянные двери ресторана распахиваются с приветливым перезвоном колокольчиков, которые не было бы слышно из-за привычного роя голосов. Но теперь в ресторане тихо.

Драма достигла кульминации. В такие моменты обычно замирает даже многоголосый оркестр.

На пороге появляется красивая стройная женщина с каштановыми волосами. Думаю, она улыбалась, когда только заметила нас, но знать этого наверняка я не могу – маска скрывает половину лица Оксаны. Все защитные маски у Оксаны необычные, дизайнерские, и я никогда не видела ее, например, в обычной медицинской. Сейчас на ее лице маска с кружевом, которая делает ее похожей на восточную принцессу. Особенно когда ее темные глаза так густо подведены.

Оксане хватает нескольких секунд, чтобы понять, что все

очень плохо. Она оказывается возле нашего стола, даже не сняв кашемирового пальто на входе. Оксана правильная, поэтому маску она срывает со своего лица только у стола и зачем-то шепчет ярко накрашенными губами:

– Что случилось?

Отец недолго смотрит на свою невесту, но, кажется, даже не узнает ее. Взгляд у него дикий. Ошалевший.

Зеленый яд его глаз возвращается ко мне.

– Юля, – хрипит папа. – Кто он? Назови имя, чтобы я его уничтожил.

– Какие ужасные вещи ты говоришь! – Оксана оглядывается по сторонам и тянет моего отца вниз, сесть, но он вцепился в край стола и не сдвигается. – Платон? Юля, что ты ему сказала?..

Оксана ахает, замечая мой живот. Прикрывает рот ладонью.

Ну да. Его нельзя не заметить.

На УЗИ я очень боялась услышать, что там двойня, но плод оказался один. Просто я очень худая.

Как иначе, я же балерина.

Была.

– О боже... – шепчет Оксана. – Юля, девочка, когда это произошло, мы ведь все время виделись?.. Костя! – командует Оксана, глядя на появившегося в дверном проеме сына. – Костя, не раздевайся, мы уходим! Платон, идем. Не нужно разбираться с этим здесь.

Держась одной рукой за живот, я тоже смотрю на Костю. Он только вошел в ресторан. Над черной маской сверкают его серые глаза.

Мой Кай.

Прости, но я больше не могла скрывать правду.

– Кто это сделал, Юля? – ревет мой отец, отпихивая в сторону Оксану. – Скажи мне! Я должен знать, какому мудозвону оторвать яйца!

Отец сильно встряхивает меня за плечи. Сейчас ему плевать на сплетни, прессу и репутацию. Даже на меня в какой-то мере.

– Язык проглотила?! Говори! Кто он?!

– Тише, Платон! Ну что ты такое говоришь... – причитает Оксана. – Все будет хорошо. Мы справимся с этим вместе! Девочка обязательно обо всем расскажет, только позже. Позже!

Нет, я сделаю это сейчас. Сегодня, сидя в кресле перед Ксенией Михайловной в Москве, я поняла, что и так врала слишком долго.

Мой сводный брат по-прежнему стоит в проходе, держа дверь нараспашку, но никого в ресторане не волнует промозглая питерская сырость. За его плечом в свете фонарей искрят желтым вспышками капли дождя.

Кай внезапно срывает с себя маску, хотя не имеет права этого делать, стоя на пороге ресторана, но, в отличие от матери, плевать он хотел на правила.

«Давай. Скажи ему всю правду, — читается в его стальных глазах. — Раз начала, иди до конца».

Он готов к последствиям.

А я по ощущениям несусь к краю сцены, не замечая темного провала оркестровой ямы. В ушах гремит так и не исполненная партия, а ресторан перед глазами кружится, как карусель. Сердце колотится о ребра.

Каждая кость горит, как от перелома, когда я вытягиваю руку.

Разжимаю скрюченные пальцы и указываю на темную фигуру сводного брата в проеме ресторана.

— Это он. Я беременна от него.

Часть 1. Кай

Глава 1

Мы опаздываем.

– Не вертись, Юля, – отзывается отец, как будто мне снова шесть и я не могу усидеть от скуки.

– Пап, давай я на метро? Бегом и то быстрее будет! Посмотри на пробку!

Не отрывая глаз от телефона, отец отзывается:

– Никуда ты не опоздаешь. Будешь на месте вовремя.

Наконец он откладывает телефон в сторону.

– И забудь про метро, ясно? Никакого метро, пока не поймают тех, кто мне угрожает.

В ярко-зеленых глазах горит забота, когда он проводит ладонью по моим собранным в высокий пучок волосам. Я замираю, а он по-доброму хмыкает и притягивает меня к себе.

– Не растреплю я твою прическу, не бойся. Просто поймал себя на мысли, что давно не плел косы. Теперь ты собираешь их сама. А помнишь, как твоя Ева Бертольдovна учила меня, как закалывать челку невидимками? А ведь я так и не научился.

Закрыв глаза, щекой касаюсь борта его пиджака и вдыхаю такой родной запах. Рядом с ним даже страх опоздать стано-

вится вдруг таким же надуманным, как и все мои страхи в детстве.

Вздрагиваю от жужжания телефона, но отец не притрагивается к мобильнику. Эти несколько минут только наши, и я благодарна ему за это. Он не выпускает меня из объятий и говорит тихо:

– Напомни, пожалуйста, про твою роль.

– Я ведь вчера рассказывала, – отзываюсь чуть обиженно.

– Ну Юль, прояви милосердие. Мне вчера совсем не до балета было. Напомни.

– Если меня выберут, я буду играть Сильфиду. Это фея. Смертным запрещено касаться ее, иначе она умрет. Но Сильфида влюбляется в юношу, а он – в нее. И конечно, однажды он делает все, чтобы обнять ее, и она умирает.

– О господи... А без смертей никак нельзя?

– Это классический балет, пап. Без этого никуда.

Он прижимает меня к себе так сильно, будто мне и правда грозит опасность. После смерти матери я – все, что у него осталось.

Отец никогда не разделял моего увлечения балетом. Он техник до мозга костей, как сам говорит, и даже красивая картинка на сцене никак его не трогает. Тем не менее, несмотря на высокую занятость, он присутствовал на всех моих выступлениях. Пусть и не понимал происходящего на сцене.

Он не рассмеялся и не отмахнулся от меня, когда я в три

года принялась танцевать перед зеркалом на носочках и регулярно разбивала нос, а однажды даже вывихнула мизинец, старательно улущшая выворотность⁴ стоп.

– Наша Юлька мечтает стать балериной, – однажды сказала ему бабушка. – Смирись с этим, Платон.

Смирился отец далеко не сразу. Кажется, он до сих пор считал мое увлечение балетом какой-то блажью, но и слова кривого мне не сказал. Пусть у него и не выходило помогать мне с прическами, макияжем и костюмами, он просто нанимал нужных людей.

Мне даже завидовали те, кто приходил на выступления с мамами. Считали, что я задаюсь. Ведь чаще всего я была окружена свитой. Парикмахер, визажист, дизайнер. Отец никогда не жалел денег на любую мою прихоть, я же в глубине души очень завидовала остальным одноклассникам.

И всегда отводила глаза в сторону, когда девочек из класса перед выступлением целовали мамы.

Хотя бабушка с отцом всегда приходили смотреть на меня, это было не то.

Еще папа очень переживает, даже если я умираю на сцене понарошку. Помню, как однажды он покинул зрительный зал во время «Жизели». Танец погибшей девушки на собственной могиле надолго выбил его из колеи. Уже после вы-

⁴ Выворотность ног – это способность развернуть ноги (бедра, голени и стопы) в положении en dehors (наружу). Выворотность дает максимальную свободу движений при максимальном соблюдении равновесия, позволяя выполнять ногой движения большей амплитуды.

ступления я нашла его на ступенях театра, папа впервые пил прямо из бутылки и потом еще долго молчал тем вечером.

Я бы не назвала своего отца чувствительным, просто он терпеть не может символику и атрибутику смерти, особенно если это связано со мной. Я чуть не умерла во время родов вместе с мамой. Но врачам удалось спасти меня, а маму нет.

Машина медленно ползет по узким улицам, и я снова чувствую, как отец легко касается моих волос, чтобы не испортить прическу, и говорит:

– Не волнуйся, Юль, роль у тебя в кармане. У тебя есть все шансы. К тому же твоя Ева сказала...

Вздрагиваю и выпрямляюсь, как от удара хлыстом.

– *Моя* Ева?! Папа, ты же обещал!

Он выставляет руки в свою защиту.

– И я сдержал слово, Юль! Ничего у меня с ней нет! Твоя учительница сама подошла ко мне в том ресторане, честно! Я вежливо с ней говорил, соблюдая правила социальной дистанции и хорошего тона! Клянусь, мы даже оба были в масках!

Я не сдерживаюсь и смеюсь. Он тоже, притягивая меня к себе обратно. Мы проводим вместе не так много времени, как хотелось бы. А еще папа говорит, что я очень быстро расту.

Но это не так. Просто он до сих пор считает меня маленькой.

А я уже взрослая. Мне восемнадцать и в этом году я за-

канчиваю Академию балета. Самой не верится, что обучение промелькнуло так быстро. И впереди меня ждут лучшие театры и выступления...

Отец продолжает:

– Короче, твоя Ева Бертольдовна сказала, что у тебя есть все шансы получить эту роль на выпускном концерте. Лишь бы театры не закрыли к этому времени, в остальном тебе переживать не о чем.

Я знаю, что папа одинок, и очень хочу, чтобы в его жизни однажды появилась женщина, которая могла бы заменить мою маму. Слишком много лет он один. А я после выпускного могу уехать, если мне предложат работу в иностранных театрах.

Конечно, я хочу остаться в России, но, говорят, из-за пандемии театры сильно урезали набор и неизвестно, когда все придет в норму...

В общем, все сложно, и я бы не хотела, чтобы отец остался один, если я уеду. Но я однозначно против Евы Бертольдовны в нашей семье, потому что она совершенно не подходит моему отцу.

– Видишь, мы уже приехали, а ты переживала. Сейчас Фёдор за пять минут домчит тебя до академии.

Отец легко целует меня в лоб и желает удачи, подхватывает кейс и выходит из машины. Водитель сразу трогается, но на половине пути к академии перед мостом вдруг тормозит и съезжает к бордюру.

– Юлия Платоновна, две секунды. Возьму документы для вашего отца.

– Хорошо.

Достаю наушники из сумки, закрываю глаза и роняю голову на мягкий подголовник. Да что же такое? Сегодня как будто все против меня!

С закрытыми глазами репетирую партию Сильфиды из первого акта, ее первое знакомство с Джеймсом.

Роль возлюбленного отдана моему другу, Якову Розенбергу. Он превосходный танцовщик и даже влюблен в меня. Яков не перестает повторять, что однажды я выйду за него замуж, но я еще не сошла с ума. Яков хороший друг и профессионал, но замуж за него я ни за что не пойду.

В тысячный раз воспроизвожу в памяти очередность прыжков и вращений в первом акте. Я должна буду наклониться и поцеловать Якова, пока он будет спать в кресле. Каждый раз на репетициях Яков специально дергается в последний момент, подставляя мне то губы, то подбородок для поцелуя. Приставучий Розенберг.

Подрагивающими пальцами выстукиваю мелодию на кожаной обивке, замирая перед кульминацией.

Даже от легкого поцелуя феи Джеймс мигом просыпается и сразу тянется к крылатой деве со своими объятиями. Это любимая часть репетиции для Розенберга и самая ненавистная для меня. Я взаправду убегаю от Якова, не позволяя ему коснуться меня, но Яков, кажется, ловит меня куда усерднее,

чем должен был Джеймс.

Иногда мне кажется, что преподаватели специально выбрали именно нас на главные роли, зная, что нам обоим даже не придется играть это противостояние. Розенберг всем и каждому растрепал в академии о своих чувствах ко мне! А я и пяти минут не могу продержаться рядом с ним.

Жаль, что отец запретил ездить на метро. Раньше мне очень нравилось добираться до академии с подружками, мы всегда вместе обсуждали других танцовщиков. Моя одноклассница играет Эффи, невесту Джеймса, но влюблена она, например, в нашего директора, хотя у них просто невероятная разница в возрасте!

Быть влюбленной в преподавателей или директора – это своего рода традиция, которая берет начало со времен, когда академия была еще Императорским училищем балета. Мы читали об этом, когда проходили мемуары всех великих балерин прошлых веков.

Вот Майя и выбрала себе директора в качестве своего избранника. Ну потому что наш второй преподаватель балета, Аджам Касумович, еще старше!

А я так никого и не полюбила. Наверное, мое сердце навсегда отдано балету. И это здорово.

К сожалению, за последний месяц нападки в прессе на моего отца участились. Он говорит, что стал получать даже угрозы. Больше, чем за себя, он переживает за меня. Хотя не понимаю, какое дело защитникам природы до балерины? Но

отец об этом и слушать не желает.

Он генеральный директор «Ю-Телеком», и до пандемии никому не было дела до вышек, которые обеспечивали покрытие сотовой связи. Но теперь все иначе, и мой отец много и подробно рассказывает в СМИ, готовя рынок к выходу нового оператора в России, но все без толку. Платон Дмитриев теперь воплощение зла для многих, и в разгар пандемии его в чем только не обвиняют...

Слышу, как хлопает дверца, и машина тут же срывается с места. Наконец-то. Может быть, Фёдор все-таки доставит меня вовремя.

Всем телом ощущаю, как машина вибрирует от растущей скорости. Меня даже заносит на резком повороте. Один из наушников вылетает.

Резко распахиваю глаза.

За окном проносятся кирпичные здания каких-то заводов. Это какой-то объездной путь, чтобы не стоять в пробках? Как мы оказались здесь так быстро, если только что были практически в самом центре?

– Фёдор?

Но имя встает поперек горла.

Потому что за рулем сидит кто-то другой.

На голове водителя черный капюшон, но он сползает, когда мужчина дергается на мой голос и поворачивается ко мне едва ли не всем корпусом.

Машина при этом несется, не разбирая дороги.

Черная тканевая маска закрывает нижнюю половину лица угонщика, а на лоб падают волнистые темно-каштановые пряди. Лихорадочный блеск его глаз парализует меня страхом. А если он под наркотой или пьян?

Или мы бы уже разбились?

Он так же ошарашенно смотрит на меня, как и я на него. Хотя удивляться здесь должна только я.

– Какого хрена? – шипит он неразборчиво. – Ты здесь откуда взялась?

Краем глаза замечаю дерево и срываюсь на визг.

– На дорогу смотри!

Он выкручивает руль в самый последний момент. Машина подпрыгивает на колдобине, и на этот раз меня отшвыривает к другой дверце. Слышен скрежет веток по крыше и как захлебывается мотор, выталкивая машину из грязи. Только чудом не застряв, мы несемся дальше.

Не теряя времени даром, всеми пальцами цепляюсь за ручку дверцы, но в тот же миг слышу автоматический щелчок блокиратора, от которого мое сердце ухает в пятки.

– Не открывай, дура! Костей не соберешь на такой скорости!

– Кто ты такой? И что тебе нужно?

– Успокойся. Машина мне нужна. Ты не нужна.

– И это должно меня успокоить? Это машина моего отца!

Ты хоть знаешь, кто он такой?

Я слышу глухой смех, и меня почему-то совершенно гип-

нотизирует то, как он щурит свои глаза над маской. Радужка у него необычная, почти прозрачная, как ртуть или сталь.

Трясу головой и говорю:

– Мой отец обязательно тебя найдет.

– Все мы когда-нибудь сдохнем, – пожимает угонщик плечами. – Так какая разница, кто и когда меня убьет? А теперь хватит болтать и пристегнись. Постараемся не сдохнуть хотя бы сегодня.

С низким вибрирующим рычанием мотора мимо пролетает еще одна машина. Ярко-красная, явно гоночная, на мой девичий взгляд. Всю левую сторону нашей машины в этот момент обдает грязью. Комья чернозема сползают по чистым стеклам, когда красная, вильнув на грязи, устремляется вперед, оставляя нас позади.

Парень в маске давит на газ, и при виде того, как ползет стрелка спидометра, я все-таки щелкаю ремнем безопасности. Удастся не сразу, мои руки дрожат. В крови бурлит адреналин. Мне еще никогда не было так страшно, и все-таки нахожу в себе силы, чтобы спросить:

– Ты меня похитил?

– Не обольщайся, – бросает он, не оборачиваясь. – Ты просто шла в довесок к машине.

Он резко выкручивает руль, и нас снова заносит. Я опять визжу. С правой стороны, в каком-то миллиметре от нашего крыла, проскакивает еще одна тачка. Она вся в грязи и цвета не разобрать.

– Твою мать, – выплевывает парень.

Деревья, которые видно теперь только с правой стороны, сливаются в сплошное пятно. Я вжимаюсь в кресло. Хотя на такой скорости, если парень вдруг потеряет управление, никакой ремень не спасет.

Нас заносит на жидкой грязи, и я задерживаю дыхание, ожидая удара, который станет последним. Колеса скользят, как коньки по ледовому покрытию, а мотор захлебывается.

Но через секунду парень в маске выкручивает руль, и мы каким-то чудом все-таки пролетаем мимо ненавистой синей тачки, которая тоже увязла в грязи.

Водитель зло сигналиит нам вслед, а мой похититель показывает средний палец, бросая быстрый взгляд в зеркало заднего вида, не отпуская на этот раз руль.

Кто в здравом уме будет угонять тачки, чтобы участвовать в гонках по бездорожью? Зачем? Какой в этом смысл? Ради чего он так рискует?

Машина подпрыгивает, и мы влетаем на сухую колею.

Угонщик целиком сосредоточен на дороге. Маска немного сползла, и я вижу, как он играет желваками. Он видит перед собой цель – другого гонщика, и упрямо держит курс прямо на него, выжимая из машины все возможное.

Он забыл обо всем на свете.

Даже обо мне.

Не отводя глаз от зеркала заднего вида, решаюсь на невозможное: не меняя положения тела, одними кончиками паль-

цев тянусь к телефону, который лежит тут же на сиденье.

На экране все так же сменяют друг друга треки из балета, но все это как будто было со мной в другой жизни.

Как я могла быть такой беспечной? И какой из него угонщик, если он мог меня не заметить?

Мне удастся подцепить телефон. Плеер завис, но я упрямо жму на «Избранное», чтобы набрать отца, но в тот же момент парень так резко тормозит, что все мое тело летит вперед.

И я прикладываюсь лбом о водительское сиденье.

Вспышка боли ослепляет.

Нос щиплет, и я часто моргаю. Из глаз сами собой брызнули слезы. Ребра горят огнем из-за ремня безопасности.

Перед глазами пляшут разноцветные точки, а этот придурак снова набирает скорость. Слышу, как ревет мотор, и чувствую, как скорость снова вжимает мое тело в сиденье.

– Ха-ха! Выкуси! – вдруг орет он в приоткрытое окно.

Ветер взметает мои волосы. Смахнув с глаз слезы, наконец-то вижу, что лидер гонки, за которым мы гнались, остается позади.

Впереди никого.

Парень скидывает руки, на мгновение полностью теряя контроль над несущейся на всех парах машиной. Руль он придерживает коленями, и я не могу сдержать крика:

– Руль держи, придурак!

Он оглядывается на меня, как будто и правда забыл, что не один. И быстро натягивает съехавшую до самого подбородка

маску. Перехватывает руль и снова берет резко вправо. Вокруг машин больше нет, и скорость чуть снижается. Гонка окончена, если это вообще была она, а не какой-то изощренный способ самоубийства.

Вспоминаю про телефон и оглядываюсь, но рядом со мной его нет. От резкого торможения мобильник улетел под ноги. Достать его теперь, не вызывая никаких подозрений, не выйдет.

Хотя отец, наверное, и так уже знает, что машину угнали. Фёдор обещал вернуться быстро.

Из березового редкого леса он выводит машину на какое-то поле. Вокруг никого, только грязь и тучи над заросшим пустырем. На шоссе, что виднеется впереди, нет ни одной машины, как вдруг мотор глохнет.

Колеса окончательно вязнут в грязи.

– Что дальше? – спрашиваю затылок.

– Приехали.

Парень бодро выпрыгивает из машины и распахивает пассажирскую дверь с моей стороны.

– Выходи.

– Зачем?

– Это конечная. Дальше я не поеду.

– Издеваешься? Тут даже метро поблизости нет! Как я вернусь в город?

Он тянется к пачке сигарет в переднем кармане черного батника, но потом вспоминает про маску на лице. Опустить

ее, значит, показать лицо.

Он решает повременить с курением.

Мой похититель казался старше, пока я видела только его профиль. Теперь я вижу перед собой сверстника, и это пугает меня еще больше. Мы явно были на волоске от смерти. Вряд ли у него огромный опыт экстремального вождения, если ему не больше двадцати.

Пока он на меня смотрит, не могу даже коснуться телефона. Мне много не надо. Пусть только отвернется или хотя бы отведет взгляд в сторону, я тотчас выхватю телефон из-под сиденья.

Но он глаз не отводит.

Смотрит в упор. Я бы даже сказала, внаглую.

Не могу выдержать его пристального взгляда и поэтому принимаюсь разглядывать черные узкие джинсы, порванные на коленях, и высокие ботинки, которые утопают в грязи.

Особых примет я заметила уже достаточно, но еще я не хочу покидать машину. Зная отца, в ней наверняка есть маячок или что-то подобное, как и в моем телефоне. Надо просто подождать.

Парень запускает пальцы в волосы и с раздражением откидывает их назад. Но порывистый ветер снова швыряет длинные отросшие темно-каштановые пряди ему в глаза.

– Послушай, как тебя?..

Упрямо молчу.

Ведь похитители должны знать, кого они собираются по-

хитить. А еще они не выгоняют своих заложников на все четыре стороны. А угнанные тачки не бросают в грязи открытыми нараспашку. Ни одна из версий не сходится, а ведь из-за него я пропустила самое важное прослушивание в жизни!

Поняв, что говорить я не собираюсь, он отмахивается.

– Ладно, неважно. Послушай, у меня в машине не должны быть пассажиры. Так что тебе нужно убраться, пока сюда не нагрянули остальные. Поэтому выходи из машины и вали на все четыре стороны! Дальше мы не поедem, серьезно. Тачка увязла насмерть.

– Никуда я не пойду, – складываю руки на груди и специально устраиваюсь поудобнее на сиденье.

Прозрачные стальные глаза за секунду темнеют, а его брови смещаются к переносице.

Я же бросаю косой взгляд на часы на приборной панели и едко замечаю:

– К тому же спешить мне уже некуда. Я опоздала и только что упустила главный шанс своей жизни. И все из-за тебя.

Парень вдруг нагибается и выдергивает меня из машины.

Полуботинки моментально погружаются в холодную жидкую грязь, и это остужает мой пыл. Уровень спеси в крови падает, когда я чувствую его твердую хватку. Мне снова страшно.

– Ты хоть знаешь, что они с тобой сделают, когда узнают, что ты дочка Дмитриева? Плевать, что я не знаю твоего имени, но ты ведь его дочурка, верно? Если только он не

предпочитает девочек значительно моложе себя, – цедит он сквозь маску.

– Да как ты смеешь! Папа не такой!

– Убирайся отсюда, пока цела и невредима. Тебя никто не должен увидеть! О тебе же забочусь! Просто поднимись по насыпи на это долбаное шоссе и поймай попутку. Такую куколку, как ты, довезут до города в два счета!

Морщусь от жесткой хватки, и он все-таки ослабляет пальцы. Убирает руку, а я переступаю с ноги на ногу и задираю голову. Он высокий, выше меня на целую голову.

Может быть, здесь полно опасностей, но сам он не выглядит пугающим. И я вижу, что он колеблется. Может, это его первое дело, ведь опытные угонщики не могут не заметить еще одного человека в машине.

– Сразу видно, что ты ни черта не знаешь, какие опасности могут поджидать девушку на трассе. Рассказать, что сделают со мной в первой же попутке? Ведь девочек, в отличие от мальчиков, с детства учат прикидывать, что может случиться, если окажешься одна за гаражами или на окраине города!

Краем глаза вижу, как он сжимает руки в кулаки, окидывая мои ноги и короткое шерстяное платье. Щеки моментально вспыхивают, потому что взгляд он задерживает на моих ногах дольше, чем нужно.

Черт его знает, почему я так уверена, что он сам не делает со мной этого. Никто не придет мне на помощь на этом пустыре, если он сейчас запихнет меня обратно на заднее си-

день и захлопнет двери.

Он больше и тяжелее меня, а еще мужчина. И явно не стоит ждать помощи от тех людей, которые сюда вот-вот придут.

– Черт возьми! Тогда лезь в багажник, быстро!

Он подхватывает меня за локоть, но я упираюсь. Другой рукой луплю его по спине, но ему все нипочем. Держа меня левой, правой он уже распахивает багажник папиной машины. И при виде него я вся холодею.

– Нет! Не хочу! Не надо!

Отбиваюсь еще сильнее, и в два счета вдруг оказываюсь прижата спиной к его животу, а перед глазами снова оказывается распахнутый багажник.

Совершенно пустой, по закону подлости. Папа не возил хлама. И жаль, что сегодня он не собирался на охоту в заповедник. Двустволка пригодилась бы.

– Пожалуйста, нет...

– Не бойся, ты ведь балерина. Влезешь, – цедит он прямо на ухо. – Раз не сбежала, теперь тебе надо спрятаться. Что будем делать дальше, придумаем потом. А сейчас просто не высовывайся, если не хочешь, чтобы с тобой что-то случилось.

Он подталкивает меня к багажнику, и мои ноги скользят по грязи. Я сильнее прижимаюсь к нему спиной, всем телом, как никогда не стала бы прижиматься к незнакомым парням.

А все потому что...

– У меня клаустрофобия! – визжу изо всех сил. – Нет!

Он шумно выдыхает через маску, и его дыхание даже через ткань щекочет мне шею. Скребусь пальцами по его животу, к которому он прижимает мои вывернутые руки.

– Пожалуйста, нет...

Он кладет руки мне на талию и снова разворачивает на месте, лицом к себе. В его руках я словно тряпичная кукла, еще ни один парень не позволял себе вести себя так со мной. Никто не касался меня без моего разрешения и не нарушал мои личные границы. А еще не вертел мной, как ему вздумается, если только он не мой партнер по танцу.

– Это правда? Или ты лжешь мне?

Опять внимательно изучает меня стальным взглядом, а когда я пытаюсь отвернуться, разворачивает мое лицо к себе. И наклоняется так низко, как будто я плохо слышу.

– Ты представить себе не можешь, что сделают с тобой эти люди, что приедут сюда сейчас. А заодно и со мной. И тогда я точно не верну тебя папочке целой и невредимой. А если все пройдет как по маслу я сам отвезу тебя в город, идет? Без попуток. Доставлю туда, где взял. У тебя нет времени на размышления. Либо прямо сейчас бежишь на трассу, либо залезаешь в багажник и ведешь себя как мышка.

– Разве им не нужна машина?

– Нет. Тебя просто не должны увидеть. Выбирай! Иначе сам запихну тебя в багажник, и плевать я хотел на твои фобии! Сейчас они будут здесь! Слышишь?

Ветер доносит рев моторов из-за деревьев. У меня есть всего несколько секунд. И из двух зол я вдруг выбираю третье.

– Куртка, – выдыхаю, цепляясь обеими руками за его черную джинсовую куртку, наброшенную поверх батника.

Глава 2

Да она сумасшедшая!

Прямо как я.

– Зачем тебе моя куртка?

– Я спрячусь на заднем сиденье, – тараторит она, глядя на меня расширенными от страха глазами. – Пожалуйста, только не в багажник! У тебя куртка безразмерная, в ней утонуть можно. Укроешь меня сверху, никто и не увидит!

Времени на раздумья нет. Киваю, и она забирается на сиденье прямо с грязными ногами, прижимая колени к подбородку. Обхватывает колени руками и так ложится. Срываю с себя джинсовку, уверенный, что ничего не выйдет, и бросаю сверху.

Но это вполне себе выход.

Она маленькая и хрупкая, как и положено балерине, а жесткий джинс и правда хорошо скрывает очертания ее тела.

Ничего подозрительного.

Ну кроме того, что в такой дубак я зачем-то решил раздеться.

Времени больше не остается. Гламурная бирюзовая тачка Маяка появляется в ту же секунду, как я захлопываю дверцу. Надеюсь, балерине не взбредет в голову неожиданно вылезти, как черт из табакерки. Должен же быть у нее инстинкт самосохранения?

Это у меня он отключен за ненадобностью.

Красная колымага Луки тащится с другой стороны, поминутно застревая в раздолбанной гонкой колее, но мне нужен только Маяковский. От его решения зависит, прошел ли я испытательный заезд.

Я уверен, что да.

Зря я, что ли, выбрал именно тачку Дмитриева? На нее давно все облизывались, но не решались вот так сливать на пробных заездах. Держали про запас. А у меня не было другого выхода. На любой другой тачке, которые были на примете, я не приехал бы первым.

Маяк тормозит поодаль, а Лука еще барахтается в грязи. Маяк выходит, поправляя на вытянутой, как осенняя груша, голове круглую вязаную шапочку. Сегодня пятница, канун Шаббата⁵, и сразу после гонки Маяк вернется домой, к семье, и даже будет освящать халу и читать молитвы. А Лука отправится к бабке, как и в любую другую пятницу, есть подгоревшие пирожки с картошкой на сале.

А я? Идти мне некуда, и никто меня не ждет.

Может, поэтому я решил помочь балеринке? Что там она говорила про важнейшее событие, которое она пропустила по моей вине?

Разберемся. Главное, чтобы сейчас она сидела как мышка.

Маяк подходит ближе, и я все-таки спускаю черную маску до подбородка. От него лицо прятать не нужно.

⁵ Шаббат – суббота по еврейскому календарю.

– Вот так подстава, Кай! – грохочет Маяк.

Его крохотные темные глазки с жадностью и вожделением осматривают тачку Дмитриева. Отец у балеринки знает толк в хороших машинах, и половина гонщиков бредили ею, как только стало известно, что ее доставят в город.

Я неслучайно выбрал именно ее. У меня был только один шанс, чтобы заполучить место для участия в первом туре. И я сделал все, чтобы его не упустить. Но времени для подготовки было мало. Если другие собирались отслеживать перемещения и окружение Дмитриева месяцами, чтобы достаточно подготовиться и как раз успеть ко второму туру, у меня на все про все ушло всего четыре дня.

И, разумеется, я не учел, что в пятницу в машине Дмитриева окажется еще и его дочка. Ведь с понедельника по четверг ее там не было!

Черт его знает, как я ее не заметил. Она действительно умеет быть неприметной, когда того захочет. Надеюсь, сейчас как раз такой момент.

Маяк обходит тачку и замирает возле пассажирской дверцы. Касается чистого участка на крыше, не заляпанного грязью, и поглаживает машину.

Я перестаю дышать. С моей стороны видно, как из-под куртки выглядывает прядь светлых волос. Видна ли она Маяку? Стоит балеринке сейчас хотя бы шевельнуться, сдвинуть куртку и все пропало.

– Вот скажи мне, на хрена им такие тачки в городе? – рас-

суждает Маяк. — Уверен, эта девочка давно мечтала вырваться на свободу... Как думаешь, понравилось ей жить на полную?

Киваю. И стараюсь не думать о другой девочке, запертой в этой же тачке. Вот кто сейчас точно не в восторге.

Маяк убирает руку и наконец-то переводит взгляд с машины на меня.

— Удивил так удивил. Все облизывались на эту тачку, а ты внаглую взял и вывел ее из списков в первом же отборочном туре... А ты не так-то прост, как кажешься, да? Что ж, твоя взяла, парень. Убедил. Жди месагу с инфой про следующий заезд.

— Спасибо.

— И, кстати, куртку не забудь... Шаббат шалом⁶.

— Ага, — выдавливаю из себя в ответ.

Что это значит? Он что-то заметил или это просто совет не разбрасываться уликами?

Бирюзовая волна уносит Маяка к семье и нерушимым традициям, оставляя меня без ответов, а балеринка впервые шевелится на сиденье, но я быстро стучу по стеклу кулаком, потому что слишком рано вылезать, и оборачиваюсь к другу.

— Кай! — орет Лука на всю округу.

Через плечо вижу, как балеринка снова каменеет. Наверняка и уши наострила, так что мое имя теперь для нее больше не тайна.

⁶ Шаббат шалом — хорошей субботы (иврит), дословно «Привет, суббота».

Перехватываю Луку раньше, чем он подлетает к тачке. Зная его, он обязательно залезет внутрь, посидит на всех сиденьях и даже может растянуться на заднем, подложив под голову мою куртку.

– Эй! – возмущается друг. – Даже не дашь прикоснуться к этой прелести? Это что, ревность?!

Стискиваю зубы.

– Тачку уже ищут. Надо убираться.

– Ты что, не отрубил геолокацию? – пугается Лука. – Ну садись в мою, помчали тогда.

– Не, не могу. Хочу башку проветрить. Пешком пойду.

– Чего? – Лука замирает возле своей разбитой колымаги. – Заметут же тебя, Кай! Думаешь, Дмитриев тебя тоже с победой поздравит, когда найдет?

– Все будет норм, Лука. Езжай быстрее. Тебе еще на трассу выбраться надо.

Друг колеблется. Чешет спутанные курчавые волосы.

– А ты это... Вечером придешь? На пирожки?

Вспоминаю ароматы подтопленного сала, поджаренного лука и горячие клубы дыма от вареной картошки и полусырое, еще горячее тесто.

В любой другой день я бы с радостью. Но...

– Не сегодня.

Лука уезжает после небольшой заминки. Подталкиваю его машину, которая буксует, но все-таки выбирается из грязи.

Возвращаюсь к машине Дмитриева. Геолокацию я, конеч-

но, отрубил. Первым делом. Но найти машину все равно не составит труда. Это не так сложно, когда она такая единственная в городе.

Сажусь за руль и сразу завожу мотор.

Вижу, как в зеркале поднимается темная гора. Из-под моей куртки сверкают синие глаза балеринки. Раньше она была причесанная, каждая прядка к прядке на голове, сейчас растрепанная, взлохмаченная. Щеки горят. Губы искусанные. Ох.

Резко отвожу глаза в сторону, выкручиваю руль и с разгона влетаю на насыпь пустого шоссе. Глаза балеринки становятся квадратными.

Да, я настолько сумасшедший.

– Где там твое прослушивание? – спрашиваю через плечо.

– Сцена Александринского театра.

Хмурюсь, пытаюсь сообразить, где это. Театрал из меня не очень.

– Возле Академии балета, на улице Росси... Подожди, ты сейчас реально везешь меня прямо туда?

– Да.

– А потом что?

– А потом я оставлю тебя, тачку и уйду.

– И ты не боишься, что тебя найдут?

– А ты меня сдашь?

Перехватываю в зеркале ее смутившийся взгляд.

– Опустит маску, – просит она.

– Зачем? Чтобы тебе было легче меня опознать?

Она отворачивается, пытаясь скрыть улыбку. Заправляет за ухо выбившуюся прядь. Ловлю себя на мысли, что хотел бы коснуться ее волос и повторить это движение.

– Ты этим постоянно занимаешься?

– Постоянно ли я похищаю девушек? Нет, это в первый раз.

– Я про машины. Никогда не слышала, чтобы на угнанных машинах устраивали гонки. Это такая фишка?

– А я никогда не видел, чтобы люди по доброй воле сядились на поперечный шпагат, – не остаюсь в долгу. – Просто мы из разных миров, балеринка. И ничего с этим не попишешь.

Паркуюсь неподалеку от театра и тут же покидаю машину. Для меня каждая секунда на счету, это балеринка сколько угодно может оставаться в тачке своего отца.

Забегаю в туннель между домами и поднимаюсь по черной лестнице на чердак. Питер с высоты выглядит даже привычнее. Но вместо того чтобы изо всех сил уносить ноги, зачем-то подхожу к высокому круглому окну с мутным стеклом. Просто интересно, как там балерина.

За несколько минут, пока я поднимался на пятый этаж, улица теперь вся запружена полицейскими машинами. Синие и красные всполохи играют в догонялки по желтым стенам, а менты уже подкрадываются к тачке.

Там есть даже саперы. Ищут подвох во всем.

Ну ничего. Скоро начнется новый сезон гонок. И странные угоны перестанут быть сенсацией.

Балеринка смело выходит из машины, доводя саперов до паники. Они бросаются на землю, но через толпу к ней тут же подлетает мужчина.

В костюме нараспашку, без формы и бронежилета.

Дмитриев. И отец балеринки не боится выражать эмоции на людях. Еще плевать хотел на орущих ментов, которые на-верняка сейчас втирают ему об уликах, отпечатках, безопасности и прочем.

Дмитриев просто рад видеть дочку живой. Он целует и обнимает ее при всех, а она даже не пытается вырваться. Сама обнимает его также крепко, как будто они месяц не виделись.

Мне странно видеть это. В целом мире нет человека, которого я мог бы обнимать вот так, не выпуская из рук, до боли в ребрах. Как и нет того, кто желал бы обниматься со мной.

Мать не в счет.

Еще в десять она ограничивалась тем, что трепала меня по волосам. А после я сам стал избегать обнимашек, а она не настаивала.

Толпа зевак становится только больше: высыпали на ступени театра другие танцовщики. Уверен, балеринке дадут еще один шанс. Причина для опоздания у нее уважительная. Не каждый день тебя вот так похищают средь бела дня.

Может быть, даже парочку интервью даст.

Мне бы уже бежать сломя голову. А я по-прежнему стою и выглядываю светлую макушку и растрепавшийся пучок. Вспоминаю ее узкую спину под своей ладонью.

Дмитриев вдруг тянет на себя куртку, в которую она по-прежнему одета. Балеринка цепляется за нее, но Дмитриев грубо срывает мою куртку с плеч своей дочери.

И передает ее полицейским и уже совсем иначе смотрит на дочь. Как будто подозревает ее в сговоре. Блин, мужик, ее так трясло в этом шерстяном коротком платье, что я просто не смог забрать куртку. А походу стоило.

Но разборки с отцом откладываются. По крайней мере сейчас балеринку обступают сверстники. Особенно выделяется один, курчавый, как барашек, и в серых лосинах, которые триндец как обтягивают его яйца.

Он гей, правда? Ну не может нормальный мужик в добром здравии такие колготки на себя натянуть. Пусть он окажется геем, и я наконец-то уйду.

Святые помидоры.

Нет, Барашек не гей. Барашек самый настоящий натурал. Я только что видел, как его рука скользнула с талии балеринки ниже. Ни один гей не станет с таким энтузиазмом лапать девочек в коротких платьях. А еще не будет тереться об их задницу своим выпирающим из лосин бугром.

И куда смотрит отец? Ах да, он куда сильнее агрится⁷ на мою куртку, которую уже передал полиции. Кажется, он да-

⁷ Агриться – (геймерский сленг) злиться.

же требует служебных собак «вот прям щас». Ну забей на куртку и машину, заметь уже, как твою дочь тут при всех лапает какой-то кудряш в лосинах!

Топот ног звучит как приговор.

Я просрал время, и теперь мне надо бежать очень быстро.

Сообразили, что я не мог далеко уйти. А я мог быть уже далеко, если бы не остался. И зачем так внимательно следил? Может, у них любовь с Барашком.

У балеринки своя жизнь и кавалеры, которых вполне, может быть, уже одобрил ее отец. Взрослая ведь девочка.

А вот от меня он точно будет не в восторге. Особенно после тачки.

Все, надо валить. Бросаю последний взгляд на дочку Дмитриева и выбираюсь через скрипучий люк на обитую жестью покатую крышу. Бегу по тонкому дырявому мостку, перекинутому на другой дом.

Там юркаю на темный чердак и, низко согнувшись, минуя провода, ветошь, пауков и пыль, и бегу мимо мышей и крыс на крышу соседнего дома.

Надо было выбирать пирожки.

Лучше бы ел сейчас сырое недожаренное тесто, чем пытался оторваться от погони. Чертов озабоченный Барашек и балеринка с ее узкой спиной.

Прыгаю с полутора метров вниз, вместо того чтобы сбегать по железной лестнице. Щиколотку прошивает болью, как от пули. Но стрелять среди бела дня, слава богу, еще ни-

кто не начал. Шум погони немного стих, значит, я смог оторваться.

Снова перебегаю по кромке крыши на другую и прыгаю, пугая туристов в ярких оранжевых касках, которые залезли на одну из крыш Питера и теперь радостно фоткаются на фоне Исаакиевского.

– Молодой человек, а вы кто такой?.. – подскакивает гид.

– Не мешайте работать! Кабель от интернета тяну.

Так она мне и поверила. Я все еще в маске и без оборудования. Да еще и бегу сломя голову по крышам.

Но даже секунды ее замешательства мне было достаточно.

Минуя туристов, спрыгиваю мимо опешившего гида в распахнутый лаз, ведущий на узкую черную лестницу, и там подхватываю одну из лишних оранжевых касок.

На ступенях даже перехожу на бег. В спину несутся громкие голоса. Черт, лишь бы не бежали с первого этажа навстречу, но на лестнице тихо, только мой собственный топот отскакивает от стен и резонирует с грохочущим в груди сердцем.

Выбегаю в квадратный питерский дворик и несусь наперерез. Воздух гудит и вибрирует от сирен. Загоняют, как волка на охоте.

С разбегу врезаюсь плечом в ворота, но калитка остается закрытой. Что за ерунда? Еще вчера этих ворот тут не было! Отбегаю назад и осматриваю свежую пену по углам конструкции. Твою же мать!

– Туда побежал! – отражается эхом от колодца.

Калитка неожиданно распахивается, и на меня смотрит еще один гид с такой же группой туристов.

– Вы уже закончили? – спрашивает.

Не сразу вспоминаю, что на мне оранжевая каска, из-за которой она приняла меня за туриста.

– Конечно, закончили! Там же смотреть не на что! – кричу во весь голос, и будущие руферы⁸ мигом наостряют ушки. – Обдираловка чистой воды! Кругом одни провода, а вам лишь бы деньги содрать!

Понятия не имею, сколько стоит подняться по черной лестнице на чердак, когда то же самое можно сделать бесплатно на любой питерской крыше. Но судя по тому, как заволновалась толпа, я попал в точку.

Пихаю в руки гида каску и проскакиваю в распахнутые ворота. Как раз вовремя. Толпа волнуется прямо в узком проходе, и мои преследователи вязнут в недовольных туристах.

Я же забегаю в ближайший продуктовый и несусь сквозь него, сбивая с ног грузчика. Работница магазина орет, что туда нельзя посторонним, но я уже пролетел магазин насквозь. Я уже на той стороне дома, в очередном колодце, где рукой подать до другой черной лестницы и еще одной крыши, на которой я буду в безопасности.

Я почти оторвался.

⁸ Руферы – от английского «крыша». Так зовут себя те, кто забирается и передвигается по крышам.

Но возле запертой на замок двери я едва не врезаюсь в мужчину в форме. При виде него мое сердце ухает в пятки.

А капитан Морозов отбрасывает недокуренный бычок в сторону и улыбается:

– Вот так встреча, Костя. Спешишь куда-то?

Глава 3

– Гронский, на выход.

Из камеры меня приводят на допрос к Морозову. Раз двадцатый за прошедшие трое суток. Бросается в глаза, что капитан зол, ему не хватает сна, еды, свежего воздуха и семьи, если она у него есть. Вместо этого он вынужден сидеть здесь со мной, потому что понятно – спускать дело на тормозах Дмитриев не намерен.

– Присаживайся, Костя.

На столе передо мной капитан, как пасьянсом, раскладывает фото. Уже знакомые, но других нет. Красный «феррари», желтый «камарро», все гоночные, выделяется только серебристый «приус». Последний случайно затесался, я сам удивился.

– Знаешь, что связывает все эти машины?

Знаю, конечно.

Но я молчу, и капитан отвечает сам:

– Их всех обслуживали на автосервисе, в котором работаешь ты.

– Работал.

– Что? – Мороз как будто даже удивлен, что я умею разговаривать.

– Я там летом подрабатывал, капитан. Больше не работаю. Морозов скисает и снова глядит на меня без интереса. Это

ему известно.

– Ну да, – тянет Морозов. – Ты же у нас студент, Костя.

Это как спектакль, который разыгрывают два уставших актера. Но по-другому нельзя.

– И на кого учишься?

– На программиста.

Кивая, Морозов нагибается и бухает поверх фоток машин журнал посещаемости группы ОПР-231.

– Гронский К., – цокает языком Морозов и ведет пальцем по списку. – Что ж так посещаемость хромает? Причем на обе ноги?

Напротив моей фамилии сплошные «н», потому что деньги за липовую посещаемость я планировал заработать только на первом туре гонок, вот только теперь неизвестно, попаду ли я туда. Копеек с зарплаты мне на жизнь и универ все равно не хватило бы.

Но за прогулы у нас в тюрьмы не сажают, так что переживать не о чем.

– На что ты надеешься, Гронский? Ладно эти машины. Их ты погонял и вернул на сервис, но сейчас-то ты палку перегнул. Неужели так понравилась тачка? А мама тебя не научила, что чужое брать нельзя?

Мать я видел только в первый день. Могла и не говорить, что денег у нее нет, чтобы меня вытащить. И так знал.

Но пока все складывалось отлично. У Морозова на меня было не так много, как я думал поначалу. Только проклятая

чуйка следака, которая привела его точно к той черной лестнице, которая была моим пропуском в нормальную жизнь. И мой послушной список, который давно ему покоя не дает.

– Или девушка тебе понравилась, Кость? За похищение знаешь, сколько дают? А за изнасилование?

Это тоже знаю. Спасибо сокамерникам, просветили.

– Дмитриев спуска тебе не даст, Костя. Не надейся. Это вот этим проще было заявление забрать, чем с тобой, сопляком, разбираться. А Дмитриев за дочку тебе шею перегрызет и не подавится.

– Не понимаю, о чем вы.

Я сижу здесь третий день, но опознания или ставки до сих пор не было. Почему?

Если бы хотела, балеринка могла бы меня сдать с потрохами в первые же сутки. А так мы с Морозовым третий день топчемся на месте. Только надоевшие фотки, прошлые дела, которые давят на нервы, но ничего не представляют, ведь обвинения так и не были выдвинуты.

Даже сейчас Морозов, по сути, не пугает конкретными штрафами или чем-то существенным, только прессует. Жаль, что я не могу этого объяснить маме. Меньше бы нервничала, если бы поняла, что на гонку я мчал проверенной дорогой, там камер точно не было. Мог напороться на какую-нибудь разве что на обратном пути, все-таки в центр сунулся ради искусства. Но то, что за рулем тачки Дмитриева именно я, еще доказать надо, спасибо пандемии. На мне бы-

ли капюшон и маска, а еще перчатки.

И если очной ставки или опознания не будет, может, и пронесет.

– Понятно. Раз по-хорошему не хочешь, будет по-плохому. Надевай маску, Гронский, раз твоя, – Морозов кидает через стол мою маску в пакете для улик.

Пальцы подрагивают, пока вожусь с зип-застежкой, но вслух спрашиваю:

– Сгоняем в ресторан, капитан? Давно пора. Кормят тут так себе.

Лучше бы Морозов так широко не улыбался.

– В рестораны ты нескоро попадешь. Сейчас тебя дочка Дмитриева выведет на чистую воду, Костя.

Глава 4

Руки дрожат, а облупленные серые стены узкого сырого коридора пугают до чертиков. Растираю холодные ладони между собой, стараясь не смотреть по сторонам, а еще дышу неглубоко. Воздух в СИЗО затхлый, сырой и застоявшийся.

Я никогда не бывала в таких местах. Контраст с театром и академией, в которых я провела большую часть жизни, просто невероятный. Из светлых огромных помещений я словно спустилась в преисподнюю. Если в одной машине разницы между нами не было, то оказавшись здесь, понимаю – мы действительно очень разные.

Не представляю, как продержаться здесь, а это только временное заключение, не говоря уже о том, что есть места хуже этого. Отец в красках описывал, что он добьется того, чтобы угонщика и похитителя отправили именно туда. Куда еще хуже?

Иду за отцом через полуподвальное помещение без окон, и не представляю, как здесь можно продержаться несколько часов, не говоря уже о трех сутках, и как не сойти при этом с ума.

– Не волнуйся, – произносит идущий впереди отец. – Тебе это ничем не грозит. Ты будешь смотреть на них через специальное стекло, они тебя не увидят.

– Хорошо.

– Сюда, – капитан Морозов указывает на единственную дверь и останавливает моего отца поднятой ладонью. – Без вас. Только ваша дочь.

– Что? Я должен быть рядом с ней!

– Нет. Она совершеннолетняя и только она видела преступника, верно? Присутствие посторонних на таком мероприятии запрещено. Только она и адвокат.

Адвокат маячит безмолвной тенью за моей спиной; за три дня, что я его знаю, он не произнес больше десяти слов. Молчит он и сейчас, хоть знал об этих правилах и раньше.

Отец играет желваками, под тяжестью его взгляда любой другой уже стушевался бы. Но капитан Морозов даже не меняется в лице.

– Таковы правила, – подает голос адвокат. – Вы ведь хотите, чтобы виновный понес наказание?

Я вот, например, не хочу. Единственное, чего я сейчас хочу, это сбежать отсюда, подняться к свету, вернуться в свои светлые аудитории с большими полукруглыми окнами, где никогда не пахло так, как тут.

Где-то вдали хлопает дверь, а по коридору сразу тянет холодом. Неизвестно, сколько бы продолжалось молчаливое противостояние капитана Морозова и моего отца, если бы обоих не отвлек стук каблуков.

– ... Нет, это ты меня послушай! Это и твой сын тоже, и если ты со своими связями палец о палец не ударишь, его посадят. Так что вытащи свою голову из-под юбки очередной

шлюхи и поступи хоть раз по-мужски!.. Да, я все сказала.

Из-за угла появляется женщина.

На ней обтягивающая до колен юбка, высокие сапоги на шпильке и теплый плащ нараспашку. Ни капли не смущаясь, она взбивает влажные темные локоны и, приподняв бровь, смотрит сначала на капитана, на меня и в последнюю очередь останавливает свой взгляд на отце.

Нетрудно догадаться, кто она.

Эта женщина может по праву ненавидеть меня, верно? Сейчас от меня зависит судьба ее сына. Конечно, Кай был не один в СИЗО, но седьмое чувство не проведешь. Не знаю, были ли они похожи с сыном, ведь я даже лица Кая толком не видела. Интересно, кто его отец и почему он никак не помогает семье.

– Я бы попросил вас подождать во дворе, – откашлялся капитан Морозов.

С моим отцом он говорит другим голосом.

– Не могу. Там дождь начался, – невозмутимо отвечает она.

– Так мне тоже ждать тут? – неожиданно спрашивает отец.

Морозов буравит моего отца внимательным взглядом, словно проверяя, будет ли тот держать себя в руках. Наверняка по строгим правилам отцу потерпевшей нельзя было оставаться с матерью Кая даже в одном коридоре.

– Да.

Отец касается моих плеч.

– Не переживай, я буду ждать здесь, а ты будешь не одна. Помни про адвоката.

Киваю. Капитан Морозов распахивает для меня дверь. Внутри тускло горит лампа, а основное внимание сразу привлекает огромное прозрачное стекло в рамке.

За стеклом еще одна комната, и вот там светят сразу несколько ярких белых ламп, которые уничтожают любые тени, чтобы ничто не могло изменить лиц. Они стоят там, спиной к белой стене, пять парней. Все в черных защитных масках и черной одежде.

Дверь захлопывается, отрезая меня от коридора и отца. Успеваю услышать только его приглушенный расстоянием голос:

– Меня зовут Платон Дмитриев.

И тихий женский:

– Да уж я знаю, кто вы.

– Встаньте сюда, Юлия.

Морозов указывает на нарисованный белой истертой краской квадрат напротив окна.

Пять высоких парней в черном пугают, а ответственность за каждое сказанное слово сдавливает горло тугим шарфом. Я с трудом передвигаю ноги, теряя все изящество разом, так что никто и не поверит мне, что я балерина, если узнает об этом сейчас. Сердце колотится в груди так истошно, что кажется, даже отец в коридоре может его услышать. Шея втянута в плечи, и я боюсь поднимать глаза выше, туда, где свер-

кают только глаза над одинаковыми черными масками.

– Сосредоточьтесь и внимательно посмотрите на них. Не волнуйтесь. Мы никуда не торопимся.

Несколько раз моргаю, прежде чем поднять глаза.

Тянуть все равно не выйдет. Я уже здесь.

Меня тут же слепит яркий белый свет, отраженный от такой же стены за спинами подозреваемых. Взгляд метается между пятью одинаковыми батниками из плотной черной ткани. Парни стоят недвижимо. Как будто пять манекенов в витрине магазина, но все куда серьезнее, а я не выбираю сейчас одежду.

Мне требуется вся смелость, какая у меня только есть, чтобы все-таки поднять глаза выше. Даже в свое первое выступление на большой сцене я не переживала так сильно.

Пять одинаковых черных масок не упрощают задачу. Сколько незнакомых людей я могу встретить за день в таком городе, как Питер? Сотни. Случайные лица, которые мелькают на эскалаторах, сонные попутчики в метро, обслуживающий персонал на улице, кафе, и даже в театре. Этих людей я привыкла не замечать. А с обязательным масочным режимом иногда не узнаю даже знакомых.

Парни очень похожи, и я окончательно теряюсь.

На мгновение закрываю глаза и пытаюсь вспомнить, каким он был. Воссоздать в памяти его профиль, пока он был за рулем, но эти воспоминания смазаны. Возможно, все дело опять в чертовой маске.

Отматываю воспоминания к тому моменту, когда он бесцеремонно вытащил меня из машины. Только тогда я успела разглядеть его, пока он возвышался надо мной, как башня «Газпрома» над Питером. Пока Кай хмурил темные широкие брови, сверкая глазами, иногда откидывая со лба длинные отросшие волосы, я только и делала, что старалась запомнить черты его лица.

Неужели так и не запомнила?

После он и сам сообразил, что стоит слишком близко. И вжал меня спиной в свой живот, запрещая пялиться на него и дальше.

Единственный парень, к кому я вообще прижималась и который мог касаться меня, был Розенберг, но только в танце, так что не считается. Возможно, это только мое живое воображение, помноженное на пережитый стресс, но каждый раз, когда я вспоминаю прикосновения Кая, мое сердце сбивается с ритма.

Эта тахикардия очень мешает сейчас, когда я во что бы то ни стала должна вспомнить, как он выглядел.

Распахиваю глаза и быстро, пока помню то смутное ощущение, веду расфокусированным взглядом, чтобы не цепляться за детали, по пяти незнакомым лицам. Отмечаю про себя, что второй слишком низкий, а третий куда выше, чем надо, я хорошо запомнила, что запрокидывала голову рядом с ним.

А у пятого синие глаза, а у того, кто стоит первый, – почти

черные.

Блестящие темно-каштановые волосы и сейчас привлекают мое внимание, но сердце начинает биться невпопад, только когда я вижу стальные холодные глаза над черной маской.

Кай смотрит прямо на меня, и я на мгновение едва не теряю точку опоры. Колени подгибаются, а сердце снова обрывается. Пока я не вспоминаю о посторонних и капитане Морозове, который тоже глаз с меня не сводит. Тогда я беру себя в руки и понимаю, что Кай не может видеть меня через одностороннее стекло. Скорее всего, просто смотрит на свое отражение, оттуда и ощущение, что он как бы отвечает на мой взгляд.

Сейчас я могу безнаказанно его разглядывать. Как будто кто-то поставил для него время на паузу, а для меня оно бежит своим чередом. Я разглядываю высокий лоб, волосы, которые теперь не такие чистые и блестящие, как три дня назад, и понимаю, что не ошиблась.

Он в той же одежде, только без куртки. Я сказала, что нашла ее в машине и оделась, потому что замерзла, а на вопрос, чья она, с удивлением спросила: «Разве не Фёдора?» О результатах допроса водителя я не знаю, только то, что отец его в тот же день уволил.

Я не стала рассказывать о гонке, других машинах и подслушанном разговоре с каким-то мужчиной с прокурренным голосом. Все равно я ничего не видела и не слышала имен, кроме Кая. И даже о том, что по-настоящему его зовут Ко-

стя, я узнала уже от отца.

Но для меня он все равно останется Каем.

С застывшим ничего не выражающим взглядом, как сейчас, Кай очень похож на замерзшего в замке Снежной королевы мальчишку. А ведь он знает, что сейчас решается его судьба. И зависит она только от меня.

Крайний парень слева, например, заметно нервничает. Куда больше Кая, который, словно вырезанная фигура из льда, стоит недвижимо, упрямо и не шелохнувшись.

Он готов ко всему.

Но почему?

Что сделало его таким? И ради чего он продолжает жить так, как живет?

– Юлия, вы готовы указать на того, кто был за рулем машины? – вопрос капитана возвращает меня к реальности.

Со мной капитан Морозов говорит очень вежливо, думаю, что с парнями вроде Кая он говорит совсем иначе. А еще, думаю, мне позволили стоять здесь куда больше времени, чем дают обычно всем остальным.

Но даже это время уже вышло.

Я бы хотела узнать Кая лучше, но вряд ли это возможно. Мы из разных миров, в этом Кай был прав. И такие, как я, не пересекаются с такими, как он. Только случайно.

Все, что я могу сделать для него, – это дать еще один шанс. Только от него зависит, воспользуется он им или нет.

Я думаю, что нет. Он выиграл эту гонку и, если не пере-

думает, будет участвовать в других. Не знаю, что может заставить его не рисковать, если собственная жизнь для него ничего не значит.

Бросаю последний взгляд на всех пятерых, украдкой глядя в стальные, холодные, как металл на морозе, глаза, в которых нет ни капли чувств, и поворачиваюсь к капитану.

– Мне жаль, но я его не запомнила.

Прощай, Кай.

Надеюсь, кому-нибудь удастся растопить твое сердце.

Глава 5

В прихожей натягиваю ботинки, когда слышу, как проворачивается в замочной скважине ключ. На пороге появляется мама.

– Привет, Кость. Ты ел?

Киваю.

С шестнадцати я готовлю себе сам. Чаще всего у нас с мамой даже продукты разные, поскольку она сидит на диете и не ест то, что ем я. Ее легкие салаты с куриной грудкой для меня на один зуб, поэтому я научился готовить сытные, но простые блюда типа плова. Иногда запекаю кур целиком, мама берет себе грудку, а мне хватает мяса на два дня и можно есть даже холодным. Его я и доел с хлебом перед компом, пока оформлял нужную мне покупку на вечер.

Расстегнув пуговицы пальто, мама тянется к шелковому платку на шее, а потом вдруг решает его оставить. Оглядывает мои зашнурованные ботинки и спрашивает:

– Вернешься вовремя?

– Как иначе?

Я веду себя образцово-показательно уже вторую неделю после того, как меня выпустили из СИЗО. Даже ежедневно посещаю унылые пары в универе, поскольку о каждом моем прогуле деканат сообщает лично капитану Морозову. Каждый день я даже прихожу ночевать домой и делаю это до по-

луночи.

Но если сегодня я скажу маме, куда иду, она мне ни за что не поверит.

— Как вчера? — мама вскидывает бровь. — За пять минут до двенадцати?

— Но ведь успел, — пожимаю плечами. — Платок так и не снимешь?

Мама замирает и опускает руку, все это время она теребила кончики платка на шее, с которым никогда не расхаживала по дому. Она всегда снимала его первым, аккуратно вешала на вешалку к пальто и только потом снимала сапоги.

Сейчас платок до сих пор на ее шее.

Мама закатывает глаза.

— Иди уже, командир. Сама разберусь, — только и говорит она.

Сжимаю кулаки. Как только дверь за мной захлопывается, выуживаю из карманов батника пачку и закурываю на ходу, спускаясь по лестницам парадной.

Детский сад. Засосы на ее шее я заметил еще вчера, когда она вернулась домой, румяная, счастливая и в пальто нараспашку. Мама, похоже, считает, что уровень ее конспирации выше всяких похвал, но даже балеринка на очной ставке держалась лучше.

Да, Морозов так просто не отстал от нее. Пусть она меня и не опознала. Интересно, честно не узнала или просто пожалела?

После нас посадили в одной комнате с длинным столом, чтобы соблюсти правила социальной дистанции, и тогда Морозов велел мне снять маску.

– Посмотрите внимательно, Юлия. Вам точно не знаком этот парень?

Мог и не стараться. Она действительно впервые увидела мое лицо.

Она смотрелась странно в этом обшарпанном кабинете, с молчаливым адвокатом по правую руку, но хотя бы ее отца оставили за закрытой дверью.

– А эта куртка? – жестом фокусника Морозов швырнул на стол между нами мою черную джинсовую куртку.

Как я позже узнал от матери, Морозов предъявлял куртку и ей. Но мама ее тоже не узнала. Сказала, что сын давно покупает себе вещи сам, она за нее точно не платила, иначе бы запомнила. Похоже, хотя бы это сыграла убедительнее, чем то, что она не пропадает вечерами с каким-то мужиком, который явно не держит свои руки при себе. И не только их.

– Я нашла куртку в машине и надела, – ответила Юлия. – Мне было холодно. Я думала, она принадлежит Фёдору, водителю моего отца.

– А вы знаете, что такое дача ложных показаний, Юлия Платоновна?

Когда Морозов переходил на имена отчества, это не предвещало ничего хорошего. Я был уверен, что сейчас эта тонкая девочка с косичкой расплачется, скривит губы и окон-

чательно выдаст себя и меня, но она только посмотрела на адвоката.

Поистине королевское движение.

Адвокат тут же выразительно кашлянул, будто напомнил менту, что угрожать дочери Дмитриева не в его полномочиях, и здесь не она главный подозреваемый.

Морозов сдулся. Тоже разложил пасьянс из фоток перед Юлей, но уже без вдохновения, а машины она, разумеется, не узнала. Да и не могла. Это Морозов скорее от отчаяния. И чтобы потянуть время.

– Угонщик говорил с вами? Просил что-то передать отцу? Угрожал?

– Ничего из этого. Когда он запрыгнул в машину, я испугалась, заплакала, но он никак не отреагировал. Просто продолжал нестись, не разбирая дороги, а потом вдруг затормозил и покинул машину. Меня всю трясло, и я в какой-то момент натянула вот эту куртку. Вышла и поняла, что мы приехали к театру. Я ведь уже рассказывала.

Я делал вид, что мне все равно, что она там рассказывает. Разглядывал обувь и собственные пальцы. Даже не пялился на балеринку, хотя очень хотелось поднять глаза. Рассмотреть ее как следует на этот раз, но понимал, при Морозове лучше даже не встречаться с ней взглядом.

Их учат актерскому мастерству, да? Потому что она не похожа на патологическую лгуницу, а так они ведь типа артисты, а не просто так носятся в этих своих странных юбках и

жутких лосинах, как у Барашка. Наверняка учат.

Она даже ходит иначе. Не как обычные люди.

Ее движения настолько плавные и мягкие, что кошки и те рядом с ней выглядят угловатыми неумелыми охотницами. При виде ее тонкой талии и невероятно длинных ног я не могу не думать о том, как она может двигаться еще. Не только в танце.

Достаю телефон и мельком гляжу на время. Успеваю.

Привычно проверяю сообщения, но там пусто. Маяк ничего не пишет. Наверняка длинные языки уже донесли, и он знает про мою короткую отсидку. Так что, может быть, мое участие в гонках накроется медным тазом.

Стоит заметить выбившиеся из-под вязаной шапки светлые пряди, и я ускоряюсь, чтобы обогнать незнакомку в узком сером пальто. Ну а вдруг повезет? Все-таки в ту сторону еду.

Но это, конечно, не Юля.

Пересаживаюсь на другую ветку и проверяю электронный билет и время начала. В десятый раз за вечер. Да, я не опаздываю. Переживать не о чем. И конечно, вернусь до полуночи, ведь заканчивается все около десяти.

«Бро⁹, какие планы?» – вдруг приходит месага от Луки.

Набираю, но потом стираю. Пусть никто не знает об этом. Как будто это только моя тайна, а она будет танцевать только для меня в пустом зрительном зале.

⁹ Бро – от английского брат.

Конечно, это неправда, и только в моих мечтах, которую ночь, все именно так.

Лука видит, что сообщение просмотрено, поэтому молчать нет смысла. Достанет же. Пишу «Отвали. Не сегодня». Наверняка хочет позвать на очередную вписку.

Это моя жизнь, и я обязательно к ней вернусь. Но завтра. А сегодня я иду на балет.

За девятнадцать лет я ни разу не бывал в Александринском театре. В школе нас водили на спектакли, но я ничего не запомнил. В очереди в одиночестве среди разряженных зрителей чувствую себя странно.

В очередной раз благодарен пандемии за маску. С ними я почти сросся, не знаю, как буду жить после, когда больше не надо будет скрывать свое лицо. Если такой момент вообще наступит...

Людей немного. Всех пропускают через металлодетектор, осматривают вещи и разрешают идти к гардеробу. А меня, разумеется, просят отойти в сторону. Как будто у меня на лбу написано, кто я такой.

– На балет пришел, парень? Сам? А почему?

Вру, что пришел посмотреть на свою девушку, она балерина. Но второй охранник особенно въедливый, просит снова просветить рюкзак и обыскивает меня по второму кругу. Очередь уже зашла, и кроме нас больше никого нет.

– Да отпусти ты, парня, Сергеич, сейчас уже третий звонок. Его ж не пустят.

Меня уже обсветили и обыскали, но Сергеич не слушает напарника. Все прикидывает, куда я запрещенные вещества дел. Мимо идут последние разодетые мужчины и женщины в мехах и драгоценностях. И тут я, в джинсах и батнике. Ну не мог же я рубашку надеть? Мама бы сразу заподозрила неладное. Только и мог, что джинсы надеть без дыр на коленях, уже прогресс, но Сергеича этим не проймешь.

Понятно, что мой внешний вид отличается от остальных зрителей, но я всего-то и планировал, что на балеринку в ее естественной среде одним глазком глянуть, а не фланировать¹⁰ тут с видом петербургского интеллектуала.

– И как звать твою девушку? – сбрасывает последний козырь охранник.

Фамилии под афишами я изучал особенно пристально, даже звонил в театр, чтобы выяснить, точно ли в спектакле принимает участия та, что мне нужна. Но сейчас все другие имена вылетели из головы, а придумывать какую-нибудь «Олю Иванову» чревато. Могут развернуть на месте.

– Юлия Дмитриева.

Глаза Сергеича лезут на лоб, и я моментально жалею о сказанном. Даже охранник понимает, что я с балеринкой не два сапога пара.

– Да отстань от парня уже! В зал ведь не попадет, – повторяет напарник и вдруг подмигивает. – Хорошие девочки любят плохих парней, верно? Как будто ты никогда подростком

¹⁰ Фланировать – медленно прогуливаться без особой цели.

не был, Сергеич. Запугаешь, больше в театр носа не покажет. Беги давай и сразу наверх и налево. Твоя ложа там.

Киваю, разворачиваюсь и почти бегу по пустым уже проходам. Нет времени рассматривать лепнину, картины, плафоны и светильники. Но дорогу снова преграждает какой-то ряженный. Сначала решаю, что он тоже охранник, но он тычет мне в лицо книжечками со словами:

– Двести рублей.

У меня в кармане всего пятьсот, так что обойдусь без программки. Разберусь, что к чему, это же балет, а не высшая математика, чтобы сидеть со шпорами.

Хочу обойти, но не выходит.

– Тогда бинокль. Всего сотка. В ложе пригодится.

Я и так не могу отделаться от чувства, что проник в лагерь врага, а с биноклем и подавно, то ли шпионом окончательно стану, то ли извращенцем. Но удержаться не могу. Сажу я далеко.

А рассмотреть ее я хочу всю и как следует.

Подхватив бинокль, мчусь к своему входу и получаю недовольное цыканье билетерши, которая проверяет мой электронный билет.

– Опаздываете, молодой человек. Это вам не кинотеатр. Быстрее занимайте свое место и не шумите.

Квест¹¹ «Попасть в зрительный зал» наконец-то пройден. Занимаю свое место, кресла по обе стороны от меня по пра-

¹¹ Квест – задание, от английского слова quest.

вилам социального дистанцирования заклеены запрещающими лентами. Гляжу вниз, там с креслами та же история. Выглядит так, будто в театре прошла безжалостная резня, и вокруг – сплошное место преступления.

Свет в помпезном зале меркнет, и зрители аплодисментами встречает дирижера. Почему? Он ведь еще даже не начал играть, а вдруг оркестр облажается?

Время тянется медленно, краем глаза вижу, как пара справа открывает программки. Да ладно, это же «Лебединое озеро», все предельно просто. Будут лебеди, озеро и трагедия. Разве нужно вычитывать что-то там еще?

Занавес ползет в стороны, и на сцену высыпает сразу толпа танцовщиков. Я припадаю к ограждению ложи.

На сцене танцуют пятнадцать девушек в одинаковых платьях, а я чувствую себя дураком. Почему я был так уверен, что узнаю ее? Издали, в костюме и гриме, в движении?

Да нет, ее здесь все-таки нет... Или есть?

О, Барашек. А вырядился-то как.

Чтоб я сдох! Его я, значит, узнал сразу. Тревожный звончок. Запоминаю парней в колготках лучше, чем красивых девушек. Да нет, мне не кажется, балеринки нет среди масовки.

А я ведь даже не помню, кого она играет. По телефону женщина сразу поняла, о какой Дмитриевой¹² я говорю, даже

¹² В первом акте спектакль открывает сцена дня рождения принца Зигфрида, а после злой колдун ведет его к озеру. Юля танцует главную партию, Белого ле-

назвала ее роль, но я не запомнил. Что-то на «О». Какое-то имя, а какое?

Черт, о чем я только думал. Это же не кино, где лицо на весь экран и пропустить точно невозможно. Это чертов балет. И даже бинокль не помогает, они ведь разбегаются, как мыши.

Барашек, неужели обязательно столько раз поворачиваться к залу своей раскаченной задницей? Я ведь в бинокль вижу, что лосины того и гляди треснут. Причем не только спереди. Может, не стоит столько прыгать?

Нет, ну это просто неуважение к сидящим в зале мужчинам. Даже в кружке школьной самодеятельности нам говорили не поворачиваться к залу пятой точкой! А Барашка походу ничему не научили.

Почему Барашка на роль шута не определили? Ему бы пошел колпак.

Что вообще происходит на сцене? Кто все эти люди? Где лебеди? Озеро?

И самое главное, где моя балеринка?

Опять Барашек в центре, теперь аж с двумя танцует. А если Юлия – одна из них? Боже, ну одинаковые! А сейчас еще и поменялись местами. Я эту рассматривал или ту?

Отложил бинокль в сторону. Невозможно. Постоянно натыкаюсь на мужские задницы и вздутые бугры. Походу мужики в балете не растяжкой меряются, совсем нет.

Ладно, может, я ошибся спектаклем. А может, участие моей балеринки отменили. Не дай бог заболела... Но если не появится, уйду после первого акта.

А может быть и так, что я ее просто не узнаю. И тогда задерживаться нет никакого смысла.

Слева громыхнуло «Браво!», и я аж подпрыгнул. За что «Браво», кому? Барашку? Да вы с ума сошли!

А вот шут молодец. Хорошо вертится. Даже сам похлопал ему. Сдержано, по-мужски.

Ой, опять Барашек. Да что такое? Теперь из кубка бухает прямо на сцене. Где лебеди, я вас спрашиваю? Я вообще туда попал?

– Извините, – шепчу паре сбоку.

Ноль эмоций.

– Прошу прощения! – уже громче.

Женщина дернулась и аж побелела от возмущения, но зато посмотрела на меня. Я улыбнулся. Потом вспомнил, что все еще в маске.

– Не подскажете, это какой балет? – перешел сразу к сути.

Она выпучила глаза.

– Да как вам не стыдно, молодой человек! – поджала губы и отвернулась.

Да чтоб вам пусто было. Сорок минут прошло, а я только Барашью задницу рассмотрел со всех ракурсов. Где справедливость?

А, ну вот, музыка знакомая, значит, это все-таки «Лебе-

диное озеро», но где моя балеринка, непонятно. Что за Кошцей прыгает вокруг Барашка? Убивать его будет? Я не против. Кончайте уже, и я пойду. Дурацкий вечер, глупое решение. Еще и сотка за бинокль.

Ну вот и лебеди. И много...

Не знаю, где была моя голова, когда я думал, что узнать балеринку будет проще простого. Может, сразу уйти, не дожидаясь? Но эти справа снова шикать будут. Должно же это уже закончиться?

Вдруг кто-то появился в центре. В белом. Тонкая. Гибкая. Воздушная.

Боже...

Я даже приподнялся в кресле. Чуть не встал во весь рост, но вовремя опомнился. Потянулся к биноклю. И ощутил, как сердце запнулось в груди.

Узнал.

Обычные люди неспособны ходить вот так, на носочках, как это делает балеринка сейчас. Танец давно стал частью нее, ведь в каждом ее движении даже вне сцены угадывались эти гибкость, податливость и изящество, которые шквалом эмоций прокатываются по моему телу.

Понимаю, что голова идет кругом, а перед глазами темнеет, потому что с момента, как она выпорхнула на сцену, сижу не дыша. Так боялся пропустить малейшее движение. А я хочу запомнить ее всю.

Не пропустить даже самый легкий наклон головы, впитать

в себя ее изящество. Стать лучше благодаря ей.

Барашек, естественно, не остался в стороне. Тут же стал трясти бубенцами. Совсем как тогда на улице, возле академии. А я едва не разорвал бинокль пополам, когда обе его руки оказались у балеринки на талии.

Она ведь с ним только танцует?

Или все-таки встречается?

А если он даже стал ее первым?..

Нет, чертов Барашек, не целуй ее! Хотя бы не у меня на глазах!

Видели, видели, как она увернулась? Не нравится он ей, как пить дать. Нет у них ничего общего или я вижу только то, что хочу.

Ведь она с детства в театре. Может, ее заводят мужики в лосинах. И тогда у меня нет ни одного шанса. Их и так немного, но лосины – это контрольный.

Да, мужик в черном, молодец, гони этого петуха от своих лебедей. Ошиваются тут на озерах всякие. Полным-полно других танцовщиц, видели в прошлой сцене, нечего к балеринке приставать. И не надо руки заламывать, Барашек! Тебе никто не верит. Твоя задница и то играет лучше.

Боже...

Как высоко она, оказывается, ногу может поднять. И даже в такой позе наклониться? Так низко?..

Я же теперь никогда этого не забуду.

И как она двигает руками, как будто за ее спиной и правда

крылья. Будто вот-вот оторвется и взлетит на самом деле над сценой.

И того, какая она вся хрупкая, нежная. Тонкая. И как при этом твердо врала Морозову, ни капли не меняясь в лице. Хоть и девочка.

Даже сейчас, когда так глубоко дышит, все равно улыбается. Как будто проще простого вот так балансировать и вертеться на одной ноге. Как будто это одно сплошное удовольствие, а не кропотливый многочасовой труд.

Нежная, неуловимая балеринка, ради которой целый зал в один момент взрывается овациями. И я понимаю, что тоже стою вместе с ними. И хлопаю. А моя соседка больше не хмурится, глядя на меня, а обменивается со мной восхищенным взглядом.

И не могу остановиться. Даже когда она убегает за кулисы, я почему-то хлопаю так сильно, словно знаю, что она обязательно услышит. Узнает. И появится снова.

Она действительно выбегает, склоняется так низко и замирает, как статуя. А потом поднимает голову и улыбается. Не мне. Барашку.

Я бы все отдал, чтобы она вот так улыбалась мне.

Занавес отрезает балеринку от меня, а в зале снова вспыхивает свет. Люди поднимаются со своих мест, и я тоже не могу усидеть на месте. Нахожу в коридорах того ряженого и протягиваю деньги за программку. Говорят, искусство бесценно. Согласиться с этим сложно, когда в кармане всего

пять сотен, но я должен узнать, кто все эти люди и кого играет Барашек.

У Барашка оказывается главная роль принца, который влюбляется в заколдованную принцессу. Но потом, как последний мудак, выбирает не ее, а принцесса едва не погибает. Ну понятно, почему Барашка выбрали, роль как раз по нему. Самовлюбленный мудак, который наверняка в свой гюльфик перед выступлениями подкладывает дополнительный поролон.

– Кхм... Вот так встреча.

Чуть не роняю программку. Передо мной стоит призрак моей прошлой жизни. Сам Маяк в расшитой серебряными нитями белой кипе, в костюме-тройке с шелковой жилеткой и даже серебряной цепочкой на груди, тянущейся от одного кармана к другому. Держит под руку бледную женщину в платке, длинной юбке ниже колен и бесформенном пиджаке бордового цвета.

Маяк улыбается с прищуром, явно пытаюсь вспомнить, как же меня звали по-настоящему, чтобы не пользоваться кличкой. Мне легче, я его настоящего имени никогда и не знал.

– Мама, идите в зал. Уже третий звонок. Только что отзвенел!

Это может быть и свекровь Маяка, а может, и мать, понять сложно. В любом случае женщина без возражений повинует, хотя еще даже второго звонка не было.

– Так-так... Костя, верно? Удивлен такой встрече. На путь исправления, что ли, встал?

Все-таки вспомнил имя, а все остальное пропускаю мимо ушей.

– А мне к тебе как обращаться? – уточняю.

– А никак, Костик, – тут же отрезает Маяк, становясь самим собой, каким я и помнил его возле грязных тачек по колено в болотной жиже. – Слышал, ты знатно наследил в прошлой гонке?

Спорить бесполезно, так что я просто жду, что будет дальше.

– Урок усвоил? А если нет, сходи на второй акт, посмотри, что бывает, когда выбираешь не ту принцессу.

Он даже про дочку Дмитриева знает, дело дрянь.

– Так что с моим участием в гонках, Маяк?

– Держи язык за зубами, Костя, – цедит он зло.

– Просто ты ведь тоже прекрасно живешь двойной жизнью, несмотря ни на что, – продолжаю нагло. – Я тоже так могу.

– Кишка тонка, – плюет Маяк и тут же кланяется старику в черном плаще до пят и в черной кипе на голове: – Добрый вечер, ребе Залман. Рад видеть вас в добром здравии... А теперь слушай сюда, малек. Ты уже выбил в отборочном туре тачку Дмитриева, а потом облажался, думаешь, я позволю тебе дальше выбирать самому? Если ты хочешь участвовать дальше, только на моих условиях.

– Это на каких же?

– Выбираешь только те тачки, на которые я тебе укажу. И не перебегаешь дорогу лидерам, ясно?

Ясно то, что кто-то сверху сильно разозлился за то, что я так бесславно слил тачку Дмитриева. Все было бы проще, если бы меня не закрыл Морозов, а так я дважды накосячил. Или трижды, если считать еще и балеринку. Короче, Маяка понять можно.

– Слушай, может, не твое это, Кость? Шел бы ты лучше, пожил бы нормальной жизнью, пока молодой. Подумаешь, бабки хорошие, но они нелегкие. А так, глядишь, и кости останутся целыми, и шею не свернешь на очередном повороте. А еще менты от тебя наконец-то отстанут, плохо разве? Забей, Костя, на гонки. Научишься еще чему-нибудь полезному, кроме как тачки взламывать. Раньше тебе везло, но сейчас ты ведь стал неприятности, как магнитом притягивать, заметил? Костян, это знак. На этот раз тебя мать спасла, но скоро, глядишь, везти совсем перестанет. Зачем ты это делаешь, Кость? Крутым хочешь казаться? Счеты с жизнью сводишь? Ради чего это все?

Слить меня как конкурента всем соперникам выгодно. Иначе Маяк бы не заливался соловьем.

От ответа меня спасает второй звонок. После третьего в зал уже не пустят, так что все вокруг моментально приходят в движение.

Маяк остается на месте, но времени у него тоже мало.

– Молодые люди! – окликает нас контролерша. – Третий звонок уже скоро!

– Я прошел отборочный? – перехожу сразу к сути. – А значит, могу участвовать хотя бы в первом туре. А дальше посмотрим. Может, не приду первым сам, а может, ты специально для меня какое-нибудь разбитое корыто выберешь. Но я хочу в заезд. Ты же не хочешь, чтобы другие узнали, что ты правила не соблюдаешь?

– Каков гаденыш, ты мне еще и угрожаешь?

– Я хочу то, что принадлежит мне по праву. Я прошел отборочный.

– Черт с тобой. Инфу о машине получишь на телефон сегодня же.

Маяк хочет уйти, но я хватаю его за рукав в последний момент. Я наконец-то понял, что не давало мне покоя в его словах.

– Почему ты сказал, что меня мать спасла? Дело закрыли после того, как Дмитриев забрал все претензии.

Лицо Маяка вытягивается, а потом он принимается хохотать.

– Так ты не знаешь, что ли? Ой, ну умора!

– Молодые люди, имейте совесть! Не на базаре!

– Уже идем! – отзывается веселый Маяк. – Простите за шум! Ну ты даешь, Кость. А я-то думал, ты специально в театр поперся, а ты случайно, что ли?

– Чего я не знаю? – ору громче.

– Скоро узнаешь! – отвечает Маяк, не оборачиваясь.

Он исчезает, а я от бессилия луплю кулаком по стене возле себя.

– Что вы себе позволяете? – подскакивает ряженный, у которого я брал программку. – Сейчас охрану вызову!

– Не надо. Сам уйду.

Сую ему в руки купленный буклет и иду на выход. Насмотрелся. Хватит. Все мозги эти две недели были балеринкой заняты.

В опустевшем коридоре слышу, как за стеной снова настраивается оркестр. На часах еще полно времени до полуночи, а мать меня раньше дома не ждет.

Вот и славно.

Глава 6

Сначала делаю три круга вокруг нашего дома, изучая все припаркованные автомобили, но ни одной подозрительной или знакомой тачки не вижу. Может, и зря я так сорвался домой и не досмотрел балет, но все сомнения развеиваются.

Входная дверь оказывается заперта на три оборота, хотя обычно мама не делает так, даже когда уходит, а сейчас она совершенно точно дома. Я видел, что в квартире горит свет.

В прихожей я сразу натываюсь на обувь сорок четвертого размера, а на вешалке вижу черное пальто. В нос ударяет приторно-сладкий запах цветов, и огромный букет обнаруживается на кухне.

Смотрю на дверь маминой спальни, а после, особо не церемонясь, просто врубаю телевизор и пультом поднимаю звук на максимум. Это невежливо, грубо, но раньше она никого не приводила домой. Конечно, я догадывался, что у нее может быть своя личная жизнь, но я вне себя от злости, что Маяк узнал раньше меня.

А это возможно только в одном случае.

Маяк следит не за моей матерью, а только за теми людьми, которые ему нужны по тем или другим причинам. Например, за Дмитриевым, который потерял одну тачку, но теперь с легкостью может завести другую. Не хуже. Он любит гоночные тачки не меньше моего.

Дверь спальни распахивается, и мама с таким удивлением смотрит на меня, что даже непривычно. Как будто удивлена, что у нее, вообще-то, есть взрослый сын.

На ней кое-как натянутое платье, а волосы она причесывает пальцами на ходу, пока идет ко мне. Отбирает у меня пульт и делает звук тише.

– Костя, ты дома... Так рано.

Перевожу взгляд с нее на спальню. И каменею.

Дмитриев даже не пытается скрыться. И не делает вид, что они с мамой там кроссворды решали. С невозмутимым выражением лица он появляется на пороге спальни, застегивая пуговицы своей рубашки.

А вот и объяснение, почему Морозов, скрипя зубами, все-таки отпустил меня на все четыре стороны. Я-то думал, что это благодаря Юле, а это моя собственная мать постаралась.

Всеми силами добилась того, что Дмитриев забрал заявление и даже закрыл глаза на угон любимой тачки и похищение не менее любимой дочери.

– Ну здравствуй, Костя, – хрипло произносит Дмитриев, а потом переводит взгляд на маму. – Я пойду?

– Может, все-таки чаю?

– Потом.

Он идет по нашей квартире походкой хозяина и целует маму в висок. Обувается медленно, как будто и не спешит. Набрасывает пальто.

Мама тоже молчит, открывает ему дверь и выходит вместе

с ним к лифту.

Дверь по-прежнему нараспашку, а я превратился в один сплошной слух, так что слышу, как он целует ее. На этот раз по-настоящему.

– Не знаю, когда я увижу тебя в следующий раз, – шепчет мама. – Ты же видел его лицо, Платон...

– Видел. Но он взрослый парень, разве нет? У него своя жизнь, а у тебя своя.

– Как и у тебя, Платон, – горько замечает мама. – И что дальше? Снова номера отелей, почасовая оплата, спасибо и до свидания? Прекрасно знаю я, что нужно таким мужчинам, как ты...

Слышу, что двери лифта уже раскрылись, но никто из них не сдвигается с места. Даже с моим небольшим опытом отношений я понимаю, что если сейчас Дмитриев уйдет после этой фразы, их отношения обречены.

И я скрещиваю пальцы, чтобы он сделал этот шаг и исчез в кабине лифта. Давай, Дмитриев. Вали из нашего дома к своей жизни, а нас оставь в покое.

Это явно продолжение какого-то давнего разговора между ними, который моя мама затевает не в первый раз. Они всего две недели вместе, разве уже пора что-то решать? Разве это может зайти так далеко? Почему, проклятье, именно с ним?

– Для начала я должен поговорить с дочерью.

– Когда? Я не тороплю тебя, просто ты и сам знаешь, что говоришь это не в первый раз. Как по мне, тебе проще пря-

тать меня, чем признаться собственному ребенку. Мой сын уже видел тебя. Ничего страшного не произошло.

Произойдет.

Если он расскажет балеринке, обязательно произойдет. Давай, Дмитриев, борись за свою свободу. Ты убежденный холостяк, так о тебе писали в газетах, разве нет?

– Хорошо. Я прямо сейчас поеду в театр и расскажу ей обо всем после выступления. Так лучше, Оксана?

Мама не отвечает. По звукам понимаю, что они снова целуются. Лифт давно захлопнулся, а они никак не могут друг от друга отлипнуть. Хлопаю дверью со всей силы, как будто это был чертов сквозняк. Надеюсь, это вернет их обратно на землю.

Мама возвращается довольно быстро. Вижу на ее губах улыбку.

– Садись, Костя. Поговорим начистоту.

Сажусь на кухне, пока мама ставит чайник на плиту.

– Скажу тебе прямо, мы с Платоном теперь вместе. И я очень тебя прошу больше не делать глупостей. Сейчас я убедила его вытащить тебя из этой передраги, но если ты не возьмешь себя в руки, даже его связи не помогут.

– Я думал, тебе помог отец.

Мама закатывает глаза.

– Хватит от него помощи ждать, Костя. Послушай, прямо сейчас я очень счастлива, так что, пожалуйста, во имя всего, что я сделала ради тебя, не разрушай мое счастье. Платон

прав, Костя, и ты уже взрослый, и у тебя своя жизнь. А я сделала для тебя все, что могла. Родила и воспитала, когда все от меня отвернулось, начиная от собственных родителей и заканчивая твоим трусом-отцом. Но я не вижу от тебя, Костя, благодарности, только одни проблемы. Постоянно. Я устала. Я не вытяну это в одиночку, если ты не возьмешься за ум. Однажды ты окажешься за решеткой, если не остановишься.

Очередная отповедь, что именно я виноват во всех бедах, которые обрушились на ее голову. Как будто я просил ее рожать меня так рано. Это был ее выбор в шестнадцать лет, а не мой.

Глотаю обжигающе горячий чай, чтобы не сорваться еще больше. И спрашиваю только:

– О чем он должен поговорить со своей дочерью? Поставить ее в известность, что теперь встречается с тобой?

Мама стоит у окна. Она заварила чай, но пить его не садится. Смотрит в темную ночь, обхватив себя обеими руками, и усмехается.

– Встречаются подростки, Костя. А в моем возрасте мужчины женятся на тех женщинах, которые дают им все, о чем они только могут мечтать.

Чай встает поперек горла.

– Он... сделал тебе предложение?

– Всему свое время, Костя. Всему свое время...

Глава 7

– Юль, ты как?

Розенберг хмурится, заглядывая мне в лицо. Трясу головой, пытаюсь отдышаться перед выходом на сцену.

– Нормально.

Если я скажу Розенбергу правду, он решит, что я сошла с ума, потому что я не могу найти рациональное объяснение своим чувствам. Как будто кто-то наблюдает за мной. Такое ощущение неизменно, только когда в зале отец. Но сегодня его там нет!

Розенбергу этого не объяснишь, тем более у нас всего несколько секунд. Зал не умолкает.

– Выходим на «бис», – говорит Розенберг. – Держись за меня.

Беру его за руку, и мы бежим вместе к авансцене.

И там опять меня прошивает словно раскаленной стрелой. Ищу на привычном месте отца, но его кресло залеплено запрещающей лентой. Отец сказал, что у него дела, и сегодня на выступление он не придет. И его действительно нет.

Тогда что со мной?

Бесполезно искать ответ в огромном многоярусном зале. Просто улыбаюсь и танцую дальше так, как будто не чувствую себя под прицелом чьего-то изучающего взгляда.

Не может быть.

Этого не может быть.

Но в глубине души тлеет искорка. Неужели Кай пришел на балет? Почему я ощущаю его присутствие так, будто мы с ним связаны? Смешно. Странно. Но другого объяснения этому нет.

После второго акта ко мне подсакивает врач, а Розенберг виновато разводит руками.

– Я не мог поступить иначе, ты вся бледная, Юль.

Учитывая обстановку, волнение врача и Якова понятно. Врач меряет давление, светит в глаза фонариком, проверяет даже насыщение легких кислородом. Я в полном порядке, только сердце бьется слишком часто.

Все как рукой снимает, стоит мне выйти на сцену во втором акте. Ничего. Пусто. Словно я танцую в тренировочном зале. Сотни зрителей не откликаются в сердце, и я не знаю, что и думать. Ему не понравилось, и он ушел? Да был ли он вообще здесь?

Мы снова выходим на «бис», и я выполняю знаменитые тридцать два фуэте, но аплодисменты больше не греют душу. В третьем акте между выходами мне говорят, что кто-то ждет меня внизу после выступления. И просят не задерживаться.

Я лечу в холл сразу после, переодевшись и не смыв театральный грим, но там натыкаюсь на отца.

– Папа?

– Привет, детка. Ждала кого-то еще? – он треплет меня по волосам, уничтожая аккуратную прическу, несмотря на

тонну лака. – Ох, детка, как бы я хотел, чтобы твоя мама была вместе с нами... Чтобы она увидела, какая ты стала и как танцуешь...

Папа очень редко говорит о маме. Столько лет прошло, неудивительно. Почему он вспомнил о ней?

Он крепко меня обнимает, но выглядит озадаченно и хмуро, когда мы выходим на улицу. После увольнения Фёдора отец так и не нанял водителя, а другую машину он заказал, но ее ему еще не доставили. От той он избавился сразу, как полиция закрыла дело. Так что домой мы едем на такси.

– Ты был на выступлении? – спрашиваю в машине. – Сидел в другом месте?

– Нет, не был. Я только под конец приехал, сказали, что мест в зале нет. Так что ждал тебя в холле.

Значит, это был не он. Тогда кто?

– А почему ты вообще приехал? Мы ведь договаривались, что меня подвезет Розенберг.

По несчастливому стечению обстоятельств Яков еще и живет неподалеку, и только ему мой отец доверяет, чем Розенберг регулярно пользуется.

– Видишь ли, я тут подумал... Что в моем возрасте пора бы уже остепениться. Кажется, так ты мне говорила, взрослая моя?

Остепениться?

– Ты ведь знаешь, что я всегда хотел настоящую семью, но после мамы так и не встретил никого, а сейчас... У нас с

ней вроде как все серьезно.

Каменею, но тут же обнимаю отца крепче. Этого счастья я ему и желала, верно? Не хочу, чтобы он оставался один.

– Ты поэтому так переживаешь? Все нормально, папа. Я уже взрослая.

– Дело не только в этом... У нее есть сын, Юль. Именно его и подозревали в угоне. Собственно, в отделении мы и познакомились с Оксаной.

Я выпрямляюсь так резко, что перед глазами темнеет.

– Не волнуйся так, – отец воспринимает мою реакцию по-своему. – Полиция ничего на него не нашла, а ты его не узнала, так что, парень, похоже, не виноват. Я видел его сегодня. На бандита он совсем не похож, а с остальным разберемся вместе.

– Видел? – повторяю эхом.

– Я был у них перед тем, как приехал к тебе в театр. Значит, Кай был дома. И в театре был не он.

– Я хочу, чтобы Оксана переехала к нам, Юль. Вместе с сыном.

Жмурюсь до ярких точек. Этого быть не может. Кай под одной со мной крышей!

Кай, с которым я попрощалась навечно, ближе, чем раньше!

– Знаю, тебе тяжело это принять. Все-таки сводный брат, да еще в таком возрасте... Просто ради меня, Юль. Сможешь? У нас огромная квартира, можете даже не пересекать-

ся, а? Все равно ты постоянно в своем театре пропадаешь.

– Ты ее так любишь?

Папа вдруг кривится, как от зубной боли. Бросает взгляд в окно. Понимаю, что сейчас он с большим удовольствием сел бы за руль, чтобы избежать этого разговора и не смотреть мне в глаза. Но я жду, и он все-таки отвечает:

– Мне с ней хорошо. Спокойно. И она совсем не похожа на тех женщин, что раньше вились вокруг меня, да и теперь никуда не делись. Но любовь... Лучше пусть будет такая, чем та, которая когда-то была у нас с твоей мамой. После той я учился жить заново, когда ее не стало.

– Пап...

– Все нормально. Это было давно. И я почти забыл... Юль, это в твоем возрасте миром правит любовь, в моем уже все иначе.

– Как это иначе? Если люди хотят быть вместе, значит, они любят друг друга.

– Наверное, так оно в сказках, Юль. Я любил твою маму, а потом... Больше ни с кем я такого не чувствовал, но тогда я был молод... Сейчас все иначе, и с Оксаной все по-другому. Просто я понимаю, что если отпущу ее, то потеряю. А я этого не хочу. Похоже это на твою любовь, что скажешь?

– Похоже.

– Ох и спец тут по любви завелся! – он снова притягивает меня к себе. – Сама-то в какого-то влюблена? Или все Розенберга динамишь?

– Не твое дело, папа!

– А чье еще? Конечно, мое. Если это будет не Розенберг, сразу ко мне этого кадра приводи. Ясно? Хочу видеть того, кому принцессу свою отдам.

– Никуда я не уйду.

– Еще как уйдешь, Юль. Придет время и ничего другого не останется. Всем нужна семья. Карьера. Не хочу, чтобы из-за меня оставалась здесь, если предложат в другой стране выступать, слышишь? Поступай как велит сердце. Раз выбрала свой балет, иди дальше. Пусть я не понимаю твои танцы, но мешать тебе не буду. Когда прослушивание? Назначили уже новую дату?

– Да. Дали время подготовиться и отойти от стресса.

– Ну и хорошо. Может, мы все вместе придем.

Теряюсь от мысли, что на прослушивании может быть Кай. Тот самый Кай, который наступил на горло принципам и привез меня к ступеням театра. А если это ощущение, как сегодня в театре, повторится, что делать тогда?

– Когда ты меня с ними познакомишь?

– Скоро. Спасибо, Юль. Люблю тебя.

– И я тебя люблю. А говорил, что никого не любишь...

– Это другая любовь. Вот будут у тебя когда-нибудь свои дети, тогда поймешь.

Глава 8

– Мы решили посидеть по-семейному, Кость. Платон очень любит домашнюю еду, – говорит мама, не прекращая носиться по кухне. – Господи, когда же все это закончится и рестораны наконец нормально откроют...

По-семейному, значит.

У плиты мама стоит едва ли не с утра, тогда как раньше она не делала даже яичницу ради нас двоих. Но балеринка и Дмитриев, видимо, достойны самопожертвования, а еще это куда лучшая семья для нее, чем я.

Интересно, насколько хватит маминого желания пускать пыль в глаза?

– Костя, не стой истуканом.

– Я могу нарезать салат. Ничего сложного.

– Знаю я, как ты режешь. Кромсаешь огромными кусками, лучше не трогай, я сама. Все должно быть идеально.

Ну да, такой неидеальный сын, как я, только все испортит. Продолжаю стоять на пороге кухни, хотя с большим желанием отправился бы сейчас проверить, как там машина, данные о которой мне скинул Маяк. Тачка неплохая, я ждал вариант хуже. Но вместо этого я буду выступать в роли гостеприимного сводного брата балеринки. С ума сойти.

– Ну что ты стоишь, Костя? Иди хотя бы на стол накрой!

Мама нервничает, а мне остается только стиснуть зубы.

Лучше не напоминать ей, что она сначала сама просит помощи, а потом говорит, что я ни с чем не справлюсь. На кону ее счастливое будущее, которое всегда была под угрозой из-за меня.

Возвращаюсь в гостиную и расставляю на столе четыре огромных тарелки из бабушкиного сервиза, который в последний раз я видел на Новый год, когда к нам еще приходил мой отец. Я бы сказал, что это несчастливые тарелки, но, по-видимому, для мамы все иначе.

– Сверху ставь те, что меньше! А потом бокалы и рюмки. Понял? – кричит из кухни.

В моей памяти именно так и был накрыт стол в тот Новый год, когда я больше радовался Деду Морозу, чем отцу. Все следующие Новые года я ждал именно его, но приходили только незнакомые мужики в красно-белых пальто и с перегаром.

С этими тарелками мое последнее счастливое воспоминание о полноценной семье оживает наяву. Можно ли шагнуть в ту же воду дважды через тринадцать лет? Я сомневаюсь, но мама очень старается.

Через какой-то час во главе этого стола будет сидеть совсем другой мужчина, а с ним его дочь. Уверен, мама все уши прожужжала Дмитриеву о том, как мне не хватает мужского воспитания, и, уверен, ради нее он даже будет стараться, но пусть только попробует начать меня воспитывать. Сам будет не рад.

В дверь звонят раньше назначенного времени, а мама летит к двери не с матами, а почему-то подхватив кошелек. Она благодарит кого-то и заносит в гостиную пластиковые контейнеры с логотипом ресторана.

– Это тоже разложи по тарелкам, а соус перелей в пиалы. Упаковки спрячь!

Без пиетета ложкой выгребая ресторанный салат в пиалу, и так он выглядит вполне домашним, пять баллов за находчивость. Чуть позже домой доставляют фруктовый еще горячий пирог, и мама отправляет меня вынести все упаковки, старательно заматывая все улики.

Когда я возвращаюсь, она, переодевшись в обтягивающее платье, оглядывает накрытый стол.

– Идеально.

В эту же секунду снова звенит дверной звонок.

– Точно по расписанию. Не груби и будь вежливым.

Остаюсь стоять возле стола, бессильно сжимая кулаки. Слышу, как мама радостно здоровается с Дмитриевым, который хвалит невероятные ароматы, и оба радуются, что еще чувствуют запахи.

Слышу, как мама впервые знакомится с Юлей, которая отвечает тихо и односложно. А я вдруг тянусь к солонке и быстро переворачиваю ее над салатом, а после ставлю на место.

А так я буду вежливым, конечно.

Глава 9

Следом за папой захожу в лифт. Дорогу он показывает без заминки, и от этого ощущаю куда более сильный укол ревности, чем предполагала. У моего отца будто есть вторая семья, с которой теперь он собирается меня познакомить, и хотя я знаю, что их отношения с Оксаной длятся недолго, ревность не утихает.

Еще я впервые думаю, что отец у меня молодой и при желании может иметь других детей. От этой мысли маленькой девочке внутри меня еще сильнее хочется разрыдаться, а лучше утащить отца прочь от этой парадной, этих дверей и лифта, но я быстро беру себя в руки. Это неправильно.

Я сама желала отцу счастья. Хотела, чтобы он все-таки нашел другую женщину, которая полюбит его, а он ее, но теперь понимаю, что никогда не примеривала эти мечты на себя. Всегда думала, что я в это время буду слишком занята в театрах, и что случится это когда-нибудь нескоро.

Но теперь я вдруг тоже должна стать частью этой новой семьи. А я к этому не готова. Еще и потому, что никогда не думала о том, что у меня могут быть сводные братья.

И ладно бы кто угодно, но не Кай точно!

Я всегда знала, что папа ни за что не свяжет жизнь с бесхребетной и безмозглой охотницей за богатыми холостяками или с юной пустышкой сильно моложе себя. И пусть ви-

дела эту женщину лишь однажды, ее способность ставить на место капитана полиции уже говорит о многом. У нее явно есть мозги и характер, а еще она ровесница моего отца.

Но я не могу принять тот факт, что именно она оказалась матерью Кая.

И вместо того чтобы сосредоточиться на знакомстве с Оксаной, задать свои вопросы, разговорить ее и познакомиться, войдя в квартиру, я моментально теряю дар речи, стоит мне увидеть черные ботинки с высокими голенищами в прихожей.

Почему, ну почему именно Кай?

Сам Кай появляется внезапно из дверей боковой комнаты, и я ощущаю его руки на своих плечах, а от тихого голоса волосы на затылке встают дыбом:

– Можно помочь?

– Да, помоги нашей гостье, Костя. Запугал девочку в прошлый раз, смотри, как побелела. Покажи, что ты можешь быть джентльменом.

Его мать понятия не имеет, насколько сильно он на самом деле напугал меня. Наша встреча в участке по сравнению с угоном и угрожающей жизни гонкой по бездорожью была прямо-таки романтическим свиданием, если исключить капитана и адвоката.

– Юля, это Костя, – говорит папа и добавляет: – Он учится на программиста и старше тебя всего на год.

Папа старается показать, что у нас с Каем уже есть нечто

общее.

И только я знаю, что у Кая хватает проблем с полицией, он угоняет тачки, участвует в нелегальных гонках и живет двойной жизнью, а папа с Оксаной даже о его кличке понятия не имеют.

– Приятно наконец-то нормально познакомиться, – улыбается Кай.

Теперь он без маски, и вблизи, когда стоит в каком-то шаге от меня, я впервые вижу ямочки на его щеках. Он действительно высокий, и с таким ростом не стал бы танцовщиком. А еще слишком тяжелый. Во мне только сорок пять килограммов и я на голову его ниже, так что рядом с ним ощущаю себя Дюймовочкой. Я привыкла к другим парням рядом с собой.

– Да уж, фееричное вышло знакомство, – краснеет Оксана, и мой отец улыбается следом.

Господи, они ведь не сделали это в первый раз сразу в полицейском участке, пока мы были на очной ставке? Смотрю на Кая и понимаю, что он думает о том же самом. Мы даже обмениваемся настороженными аккуратными взглядами.

– Проходите, стол накрыт.

Я после дневной репетиции, и мой желудок, уже позабыв про первый ранний завтрак, живо откликается на вкусные ароматы, но мне привычно держать в узде свой аппетит.

Захожу первой в просторную светлую гостиную, с телевизором на стене и большим овальным столом в центре. Стол

ломится от еды.

На столе утка в яблоках, рис с овощами, жареные кабачки и баклажаны с майонезом и чесноком, зеленый салат. Фруктовая и сырная нарезка с медом. Оксана очень старалась, и папа мельком целует ее в губы, вероятно, благодаря за лакомства.

– Тебе помочь? – папа идет следом за Оксаной на кухню, и мы с Каем остаемся одни.

Он снова в черном, в тех же рваных джинсах и батнике с черепом. Волосы в беспорядке, а еще они постоянно падают ему на глаза, когда он смотрит вниз, на меня.

– Когда ты узнал, что они вместе? А может, так ты пытался мне отомстить? Знаешь, я не верю в такие случайности, – задираю подбородок, чтобы не пропустить ни одну эмоцию. Если он попытается солгать, я замечу.

Кай усмехается. Берется за стул одной рукой и отодвигает его для меня.

– Слишком много вопросов за одну минуту, балеринка. Даже не понял, о чем ты. И не забывай, что меня там не было, и ты сама подтвердила это. А теперь садись. Видишь, я уже пытаюсь быть тебе хорошим братом.

Ничего не остается, кроме как сесть.

Братом.

Он!

Рядом с которым земля кружится, а в голове не остается мыслей. Чье присутствие я ощущаю каждой клеткой тела, а

его взгляд скользит по моей коже, как раскаленный утюг.

В комнату возвращаются Оксана и папа с бутылкой шампанского. Откупорив, папа разливает его по хрустальным бокалам. Они с Оксаной улыбаются, мы с Каем нет.

– Хочу произнести тост, – говорит Оксана, поднимая бокал. – Костя и Юля. Знаю, что для вас это все непонятно, и вы о многом переживаете, но поймите нас с Платоном правильно. В нашем возрасте уже не так легко встретить нужного человека. Дорогие наши дети, если вы желаете нам счастья, сейчас оно напрямую зависит именно от вас. Вы уже достаточно взрослые, и мы с Платоном надеемся, что вы с пониманием отнесетесь к нашим чувствам. Мы и подумать не могли, что так все обернется. Платон, спасибо, что оказал мне неоценимую поддержку. Надеюсь, больше ничего не будет омрачать наше знакомство, и самое сложное осталось позади. За нас!

Делаю глоток, тогда как Кай под неодобрительный взгляд матери осушает бокал залпом и до дна. Но вслух Оксана так ничего и не произносит, по крайней мере, не сейчас.

– Юля, – обращается она ко мне, – я знаю, что у балерин все очень строго с диетой, поэтому я спросила совета у твоего отца, и он посоветовал заказать твой любимый салат из салат-бара «Шпинат» с Большой Морской.

Она указывает на белую пиалу с зеленой мешаниной, в которой я с трудом узнаю любимый салат. Что ж, Оксана старалась. Улыбаюсь, перехватив папин взгляд, и набираю

несколько ложек себе в тарелку.

– Костя, а ты почему не ешь? Не стесняйся... Юля, ты уже закончила с тренировками на сегодня?

Качаю головой, накалывая огурец на вилку.

– Нет, сегодня я еще должна вернуться на вечернюю тренировку.

– Сколько же ты тренируешься? – удивляется Оксана.

– От четырех до шести часов в день.

– Невероятно! Ладно, ты ешь, наверное, проголодалась, а я тебя разговорами отвлекаю. Костя, что ты так и сидишь перед пустой тарелкой? Возьми утку. Платон, вот баклажаны, фаршированные творогом. Я запомнила, что ты заказывал именно их в ресторане в наше первое свидание.

– Но твои-то наверняка лучше, – отзывается отец.

Они говорят о каком-то свидании, а ревность покалывает, как репейник, прилипший к одежде. Поэтому запихиваю в рот кусок огурца, авокадо и листик руколы, старательно все пережевываю и... ощущаю вкус, от которого меня едва не выворачивает наизнанку.

В тот же миг Кай буквально набрасывается на салат и запихивает в рот целую ложку.

Разговор между отцом и Оксаной моментально стихает.

– Ты что творишь, Костя? Еды мало? Зачем ты ешь Юлин салат?

Пользуясь заминкой и тем, что все внимание сосредоточено на Кае, сама украдкой выплевываю салат в салфетку и

залпом выпиваю стакан воды.

– Мама, ты его вообще пробовала? – не остается в долгу Кай. – Он же пересолен!

– Это соевый соус, Костя, они не применяют соль на кухне.

– Это так, – встречаю я. – Есть его невозможно.

Оксана накалывает листик салата, пробует и только тогда убеждается, что мы говорим правду.

– Ну я им устрою... Что же тебе дать, Юля? Может, утки?

– Спасибо, все в порядке. Я поем сыра. Мясо я не ем в дни тренировок. Не переживайте.

– Я сделаю ей нормальный салат.

Оксана медленно переводит взгляд на Кая.

Как и мой отец.

Как и я.

А Кай уже отодвинул стул и теперь стоит у стола, готовый сорваться на кухню. Чтобы сделать салат? Для меня? Он сам? Ущипните меня. Снова изображает хорошего брата? Зачем так стараться?

– Огурцы, помидоры, болгарский перец, без масла и соли, подойдет? – уточняет он, глядя на меня.

– Да не надо...

– Шесть часов тренировок и без еды? Нет уж. Я сейчас.

Кай уходит на кухню, и я слышу, как в полной тишине отец говорит Оксане:

– А ведь Морозов уверял меня, что я совершаю ошибку,

забирая заявление, и такого парня нельзя держать на свободе. Хорошо, что я не поверил ему.

Глава 10

Сердце вот-вот проломит ребра, а по виску скатывается капля пота. Мышцы горят огнем, а сухой воздух пропитан потом и пылью от бесконечных прыжков. И это нормально, я репетирую уже третий час. За арочным окном в пол сгустилась ночь, а на множестве стеклянных панелей блестят капли затяжного дождя. Я понятия не имею, сколько сейчас времени, но если все еще держусь на ногах, значит, должна продолжать.

До прослушивания считанные дни, а я по-прежнему не уверена в себе. Я изучила каждый па, поворот и прыжок, и даже во сне повторяю партию феи Сильфиды, но каким-то седьмым чувством понимаю, что все равно что-то упускаю.

Вот почему все свободное время я провожу на репетициях, если это позволяют лекции.

– Заново с того же места! – прошу, когда рояль стихает.

Примерно в тысячный раз. Опять и опять. В балете нет места слабым. Я танцую до сбитых пальцев, кровавых мозолей и тремора в теле, когда каждая связка вопит от боли, а потом повторяю все заново. Только так можно добиться той неземной легкости, которая присуща балеринам.

Музыкант за роялем ударяет по клавишам, и я опять взлетаю в воздух. Розенберг, который попросил посмотреть на меня вчера, сказал, что я двигаюсь безупречно, но что взять

с этого льстеца?

Я собой недовольна.

Может, не стоит даже пробовать? Отменить прослушивание и сдаться? Мельком во время вращений вижу свое отражение в зеркалах: технически элементы выполняются верно, чего же не хватает?

В зал входит Ева Бертольдовна, и рояль мигом замолкает.

– Юленька, уже девятый час. Заканчивай.

Замираю, тяжело дыша.

– Думаете... Я готова?

– Конечно! А ты разве сомневаешься? Я видела твою программу, все будет хорошо. Кстати, директор тоже придет.

Мне тут же хочется привязать к роялю музыканта, который при виде Евы Бертольдовны уже поспешно запикивает ноты в папку. Хорошо помнит, как вчера мы засиделись до полуночи. Слабак.

– Не волнуйся, Юля. Все будет хорошо. Ты замечательно подготовлена.

Ева Бертольдовна уходит вместе с музыкантом, а я остаюсь одна. Тело пылает, мышцы стонут и умоляют о пощаде, но от мысли, что пора вернуться домой, сердце спотыкается и стучит вразнобой, чего не случается со мной даже во время многочасовых занятий.

Домой я хочу еще меньше.

Отец развернул бурную деятельность по переезду Гронских. Иногда Оксана и сама в шутку спрашивает, к чему та-

кая спешка, но отец и слушать ничего не желает. Мотивирует это тем, что скоро могут ввести жесткие меры ограничений, и тогда мы не сможем ни сделать какой-то косметический ремонт, ни нормально выбрать и купить мебель, тогда придется жить на чемоданах. А если запретят передвигаться между районами, мы еще долго не увидимся, так и будем сидеть каждый в своей квартире.

– Помнишь, как мы сидели весной сами? – говорит мне отец.

«А разве плохо было?» – едва не спрашиваю я. Не представляю, что буду делать, если нас снова закроют по домам. И на этот раз с Каем.

Доля правды в его словах, конечно, есть. Но Оксана, как мне кажется, не спорит с ним не только из-за предполагаемого карантина. Я видела, с каким восторгом она ходит по квартире, осматривая освобожденные для нее и сына комнаты. Кто бы стал спорить и отказываться от такого шанса, особенно когда тебе вручают банковскую карту со словами «Обставь по своему вкусу»?

Коробки с вещами Кая доставили вчера. Комнату сводного брата решили сделать напротив моей, тогда как спальня отца и Оксаны в другом конце квартиры. С этим никто из нас не спорил.

Я не удержалась и пробралась в заставленную коробками комнату, прошлась в последний раз по бывшей библиотеке. Здесь остался шкаф с книгами, как и кресло, в котором я

любила читать. Но остальную мебель и ковры вынесли в кабинет отца, а новые кровать и шкаф для комнаты должны были привезти сегодня.

Всю ночь я вертелась в постели, не представляя, как быть дальше. Как раздеваться, ходить в одних шортах или легкой майке на бретельках, бегать в душ в одном полотенце, если каждое мгновение могу столкнуться с ним нос к носу?

И вот почему я никак не могла заставить себя вернуться домой. Может быть, дело было вовсе не в моем танце. Именно сегодня Оксана с сыном окончательно переехали к нам. Наверное, отец даже достал шампанское. У меня же день расписан по часам, а репетиции тянутся до поздней ночи. Нет-нет, я никак не смогу быть дома в это время, отмечайте без меня.

Смотрю на часы, прикидывая, может, вернуться? Дома, наверное, то самое радостное возбуждение, как перед праздником, а Кай раскладывает свои вещи из коробок по полкам. Оксана снова на кухне, печет что-нибудь сладкое, сытное и пышное. Совершенно запретное для меня, но я понимаю, что она здесь не ради меня, а отец от пирогов в восторге.

Нет, еще слишком рано возвращаться домой.

Стиснув зубы, берусь за плеер и снова упрямо повторяю элементы, на этот раз под музыку Королевского симфонического оркестра в наушниках, и на миг представляю себя на сцене. В Лондоне. Я там совсем одна и так далеко от Петер-

бурга. Те же туманы и свинцовое небо, но так далеко от отца. Хотя будет ли ему дело до меня, учитывая новую семью?

Да и неважно! Моя судьба – балет, сцена и новые спектакли. Это то, к чему я стремлюсь с пяти лет. Даже хорошо, что у отца теперь новая семья и сын. Будет кого воспитывать!

Моя Сильфида сейчас выходит слишком агрессивной для феи, но в каждое движение я вкладываю свое разочарование, обиду, страх и ревность. Выплескиваю в танце эмоции и противоречия, которые разрывают на части.

Трек замирает на кульминации, когда неугомонный принц все-таки смыкает свои объятия вокруг неземной феи. Но вместо трагедии мой телефон переключается на «Моргенштерна». Звонит Розенберг. Все эти вечера отец занят, так что именно Яков отвозит меня домой.

– Да? – сбитое дыхание не позволяет говорить больше.

– Юль, привет. Еще тренируешься?

– Да...

– Долго еще?

– Да.

Звонок вдруг прерывается, а Яков возникает на пороге собственной персоной.

– Идем завтра в «Небо и вино»? Там обалденно готовят мясо, а какой там салат с кальмарами!

Я закатываю глаза и снова принимаюсь за растяжку.

Розенбергу прекрасно известно, что мясо я ем только раз в неделю. С кальмарами та же история. Избыток белка бале-

ринам ни к чему, мы не наращиваем мышечную массу.

– Ну идем вместе, Лю, – умоляет Розенберг, пока я тяну носок к потолку. Мне сейчас совсем не до кальмаров. – Представляешь, я столик забронировал аж две недели назад! Оказалось, что больше нельзя просто так прийти в ресторан, когда захочешь, нужно внести свое имя в лист ожидания, нормально вообще?

– Ты иди, Яков, не волнуйся, завтра я поеду на такси.

– С ума сошла? Меня твой отец собственноручно кастрирует, если я тебя в «убер» посажу. Поехали вместе! Тем более, говорят, скоро рестораны вообще закроют, и что тогда? Куда прикажешь водить тебя на свидания?

Вообще-то, я никогда и не ходила с ним на свидания, а поездки на одной машине точно не считаются, но напомнить Розенбергу об этом не успеваю. По разгоряченной коже словно проводят пером – волоски встают дыбом, а по спине бегут мурашки. От неожиданности я даже спотыкаюсь, а такого со мной не бывало с начальных классов. Хотя нечто похожее было тогда на сцене Александринского театра во время «Лебединого озера».

Неужели это запоздалая реакция на Розенберга? Но такого со мной раньше не было!

Резко обернувшись, обмираю при виде парня в черной маске, который стоит на пороге репетиционного зала возле возмущенного Розенберга:

– Ты вообще кто такой? С какого курса? Первый раз тебя

вижу!

Кай не сводит с меня глаз, и я впервые чувствую себя неуютно в таких родных купальнике и лосинах. Он смотрит на меня, будто одежды на мне нет совсем, и ни капли не смущается тем, что рядом стоит Яков, который от вопросов уже перешел к угрозам.

– Не надо охраны, Яков, – отвечаю, скрестив руки на груди. – Это...

Кай смотрит на меня с прищуром, и я понимаю, что под маской он улыбается.

– Это мой сводный брат. Его зовут Кай.

Первый раз дается особенно сложно. Хотя не думаю, что когда-нибудь привыкну к тому, что мы теперь семья.

Розенберг не замечает моих мучений, а его удивление длится недолго. Он протягивает Каю ладонь, и тот ее пожимает.

– Ну и дела! Яков.

– Кай.

– Юль, а чего не сказала, что у тебя теперь брат есть? Давно вы вместе?

Вместе.

Эта фраза, как локомотив с отказавшими тормозами, что пролетает в каком-то миллиметре от меня, обдавая жаром и едва не сбивая с ног.

Отворачиваюсь от смеющихся глаз Кая. Тренировка все равно сорвана, так что напяливаю на себя теплый спаситель-

ный батник, который скрывает мое тело. Развязав пальцы¹³, натягиваю до колен связанные бабушкой яркие гетры и обувая специальные угги.

Объяснение Кая выходит коротким:

– Родители съехались, а нашего мнения не спросили.

– Как обычно! Маску, кстати, можешь снять, Кай. Толпы тут нет, как и проверяющих. Теперь понятно, почему тебя пропустили в академию. Это Платон за Юлей отправил? Будешь сам ее теперь возить?

– Все верно, – отвечает Кай с довольной улыбкой. – Даже машину свою дал.

Тяжелый и неуправляемый локомотив все-таки слетает с рельсов. Обрушивается на меня всей своей тяжестью, и я дышу так, как будто в моем теле не осталось ни одой целой кости. Папа не мог так поступить со мной!

– Слушай, – вдруг встречается Розенберг. – А помоги уговорить твою сестренку сходить со мной на свидание?

Довольная улыбка тут же сползает с лица Кая.

Не ожидал, дорогой братец?

– На свидание с кем? Прости, не расслышал.

– Ну как с кем? Конечно, со мной!

Кай кивает с видом оскорбленного дегустатора, которому вместо элитного вина подсунули какую-то кислятину, и выплевывает второй вопрос:

– А куда?

¹³ Пальцы – слэнг танцоров балета. Так между собой они зовут пуанты

– Отличный ресторан с видом на крыши Питера.
От упоминания крыш Кая перекошило еще сильнее.

– И когда?

– Завтра. Я даже столик уже заказал на свое имя.

– Столик на двоих?

– Конечно! Зачем нам кто-то еще?

– А во сколько?

– В девять вечера, живая музыка будет.

– Заманчиво... Но нет, Юля никак не сможет пойти.

– Чего-о-о? – у Розенберга аж глаза выпучились. – Это почему?

– Удивлен, что ты не подумал об этом, – с невозмутимым видом отзывается Кай. – Вы ведь оба из этих... Балетных. У нее же прослушивание! Юле никак нельзя нарушать режим, диету, и ей особенно важно высыпаться. Ты ей добра пожелаешь, Яков?

– Конечно, – тянет Яков, не понимая, куда клонит Кай.

– Тогда подумай, каково ей будет в том ресторане, если съесть ничего нельзя, а лечь спать надо уже в десять?

– Ты так рано ложишься, Лю? – удивляется Розенберг.

Я удивлена не меньше. Сейчас половина десятого и, если верить Каю, в это время я уже должна быть в пижаме и с почищенными зубами. Но Розенберг поразительно легко верит в эту ложь и говорит:

– И правда, нехорошо вышло. Прости, что не подумал, Лю.

Розенберг прощается и уходит, а после Кай говорит:

– Пошли, мы уже опаздываем. Через полчаса ты уже должна быть в кровати.

Он подталкивает меня к выходу, и мы остаемся одни.

– Что? Но я не собираюсь спать! Я не ложусь так рано!

– А кто говорил про сон? Когда не спишь, в кровати даже веселее.

Хорошо, что иду первой, и он не видит, как вспыхивают мои щеки. Прикладываю ледяные пальцы к пылающему лицу и понимаю, что почему-то не могу сдерживать улыбки.

Я прощаюсь с вахтершей, и мы выходим на улицу. Дождь больше не льет как из ведра, но капли тумана висят в воздухе, пока мы идем к машине.

– Зачем ты вообще это придумал?

– А что, может, я чего-то не знаю, и вы с ним встречаетесь?

Кай распахивает передо мной пассажирскую дверь, и я вижу, что он ждет ответа.

Наверное, я могла бы соврать, чтобы еще позлить его, но почему-то не могу.

– Я ни с кем не встречаюсь и не планирую.

– Даже так?

– После окончания я хочу уехать в Европу. Зачем начинать то, что неминуемо закончится? А в отношении на расстоянии я не верю.

Он стоит близко, но в его свинцовых глазах невозможно прочесть ни единой эмоции. А потом Кай и вовсе отворачи-

вается, набрасывая на голову капюшон от батника.

– А как же друзья? – сухо спрашивает он.

– Друзей у меня немного. Моя единственная лучшая подруга живет в Израиле, но дружба на расстоянии – это дружное.

– Садись, а то намокнешь.

И когда я опускаюсь, он оглушительно хлопает дверцей. Папа был бы в ужасе, если бы услышал. Кай обходит машину и садится за руль.

– Папа знает, как ты водишь?

– Я отлично вожу, балеринка, не волнуйся.

– Перестань называть меня так. Это обидно.

– Как скажешь, *сестренка*.

Еще лучше.

– Послушай, Кай... Ты ведь прошел тогда отборочный, я слышала. А дальше что будет?

Вижу, как Кай стискивает руль, но при этом все его внимание сосредоточено на том, чтобы вырулить с парковочного места. Он молчит, и я продолжаю:

– Ты уже участвовал во втором туре?

– А зачем тебе знать правду? Чтобы отцу обо всем рассказать или к Морозову побежать?

– Я не собираюсь тебя сдавать! Разве ты этого еще не понял? – не хотела, но говорю с обидой.

– Понял. И спасибо тебе за это. Но объясни, зачем тебе знать правду?

– Просто... раз уж мы теперь родственники, я волнуюсь. А если я буду знать правду, смогу тебя прикрыть, например, если ты вдруг задержишься. А ты бы прикрыл меня, когда это понадобится.

– Прости, но вряд ли мне придется хоть раз врать Платону о том, где ты и чем занимаешься. У тебя есть какие-то противозаконные планы? Или что-нибудь разнузданное и запретное, о чем твоему отцу лучше не знать?

– Нет, – отвечаю слишком тихо. Щеки опять горят.

Кай бросает на меня мимолетный взгляд и снова переключается на дорогу.

– Ну да, откуда бы взяться таким планам? Ты же если не в театре, так на репетиции. Но твоё хобби тоже может быть опасным: люди ломают ноги, рвут связки, но ты ведь продолжаешь танцевать. Так и я. Опасность меня не пугает.

– Балет не просто мое хобби! Это... смысл жизни. Это все, что у меня есть! А ты преступаешь закон ради чего? Адреналина? Скорости?

– А парни тебе какие нравятся?

– А как одно связано с другим? – теряюсь я.

– Ну как же. Раз балет так важен, может, тебе и нравятся только те, кто носят колготки и заправляют... кхм, свои причиндалы в ракушку перед выходом на сцену. И губы еще красят. Или я ошибаюсь, и твой Розенберг не выходит на сцену с подводкой?

Замираю на полувдохе, а сердце в груди делает па-де-де.

– Ты был на «Лебедином озере». Все-таки был!

Кай поджимает губы, явно ругая самого себя за болтливость. Я торжествую ровно до того момента, как до меня доходит, что дорога, по которой мы сейчас едем, ведет явно не к дому.

– Да ладно? Опять? Куда ты меня везешь, Кай?

Кай криво улыбается.

– Расслабься, сестренка. Похищать тебя не входит в мои планы. Кровать-то мне сегодня привезли, а вот матрас нет. Твой отец знает, что по дороге домой мы заедем в «Хофф».

Вдалеке и правда появляются яркие огни гипермаркета.

– Даже если мы его сейчас выберем, матрас тебе сегодня все равно не доставят.

– Ничего страшного. Гостей, которым обязательно нужен матрас, я сегодня не жду.

– Может, у тебя даже есть девушка, и ты даже ходишь на свидания, а я об этом ничего не знаю? – вырывается у меня раньше, чем я успеваю прикусить язык.

Кай заворачивает к парковке гипермаркета и занимает свободное место. Глушит мотор. С места никто из нас не сдвигается, и оба мы при этом смотрим только на яркие огни вывески через лобовое стекло, по которому с размеренным скрипом, как метроном, скользят дворники.

– Если у меня будет девушка, ты узнаешь о ней первая.

Пока мы плутаем по огромному мебельному гипермаркету, лавируем между диванами, обеденными столами в поисках отдела с кроватями, я очень радуюсь тому, что половина моего лица скрыта маской.

Не сдерживаясь, кусаю губы и почему-то только и думаю о том, какой она может быть, девушка Кая, и как это будет, когда он приведет ее домой знакомить с родителями.

Лучше бы это случилось, когда я буду уже в Европе, но почему тогда он сказал, что я узнаю об этом первая? Может, не расслышал моих планов?

Раньше выпускного класса я не задумывалась о своих отношениях с парнями. И только постоянные вопросы в электронных письмах от Леи, которые она отправляла мне из Израиля, натолкнули на мысль, что бесполезно заводить отношения сейчас, если я не сделала этого раньше. Сколько мы будем вместе? Полгода? Восемь месяцев? Да и где мне найти парня, если все мое время занято или тренировками, или театром, в этом Кай прав. А никто из балетных мне не приглянулся...

Мы с Леей часто обсуждали парней. Ей с ними тоже не везло. Хотя она была немногим старше меня, у нее уже было несколько неудачных романов, и на ее примере я только убеждалась, что спешить совершенно некуда. Уверения

Розенберга, что он обязательно женится на мне, бесили до невозможности. Я знала Якова с детства, ведь он был младшим братом моей Леи, которая сейчас заканчивала службу в Израильской армии.

Но раз мне не везло с парнями, это не означало, что отношения с девушками будут точно так же складываться и у Кая. И времени свободного у него было больше, и уезжать он никуда не собирался.

– Так ты учишься на программиста?

– Да, а что?

– А девушки у вас в группе есть?

Кай косо глянул на меня поверх маски.

– Сводничеством занялась?

– Просто любопытно.

– У нас в группе есть девушки.

– А они тебе не нравятся?

– Нет, просто сама ведь говорила, что не веришь в отношения на расстоянии.

– В каком смысле?

– Ну я на лекциях обычно не появляюсь.

– Но твоя мама уверена, что ты...

– Я знаю. Теперь и ты знаешь, а моей маме об этом лучше не знать.

Я едва поспеваю за ним, хоть и иду быстрым шагом. Но он делает один шаг, пока я – три.

– Морозов ведь говорил, что деканат будет напрямую со-

общать о твоих прогулах именно ему?

– Морозов, слава богу, не стоит у входа в универ с блокнотом в руках. А с деканатом всегда можно договориться.

– И ты не собираешься ходить в универ, Кай?

– Ты за мою учебу волнуешься или за одноклассниц, с которыми я обязательно должен завести отношения?

– За твою учебу, – твердо отвечаю.

– Не волнуйся, я разберусь. Как тебе этот?

Он указывает на один из двадцати других матрасов на выставочной кровати. Мы стоим посреди матрасного царства, озадаченные и сбитые с толку. Их тут очень много.

– Как их вообще выбирают? – хмурится Кай.

– Могу предложить считалочку.

– У меня есть идея получше. Ложись.

– ЧТО?

– Я слишком тяжелый и заметный, а ты легкая и тонкая, тебе слова кривого никто не скажет. Ложись. И скажи, как тебе?

– Не буду я ложиться. Это тебе на нем спать, а не мне!

– Ну раз не хочешь мне помогать... – Кай крутит головой и тычет в какой-то далекий серый матрас. – Тогда я беру тот, и дело с концом.

Выглядит тот матрас уже продавленным и неудобным. И сама себе не верю, но через три минуты я уже растягиваюсь на нем во весь рост. И говорю:

– Отвратительно. Он кривой, жесткий и пружины впила-

ются прямо в ребра!

Кай приспускает маску и улыбается.

– Десять вечера, а ты в кровати, как я и говорил. Строго по расписанию!

Лежа на спине, начинаю хохотать, а Кай протягивает руку и помогает встать.

– Давай следующий. Этот?

Сначала сажусь, и Кай говорит:

– Попрыгай.

– Зачем? Это не батут, ты на нем спать будешь!

Но под тяжелым взглядом снова краснею и даже немного подпрыгиваю. Даже от такого матрас скрипит и ходит ходунком.

– Не, так не пойдет, – качает головой Кай. – Хочу тихий. Следующий!

– Что мне изобразить на нем? – интересуюсь, войдя во вкус.

– Морскую звезду! Именно в такой позе я люблю спать. Ну-ка.

Ложусь как в сугроб и шевелю руками и ногами, будто делаю ангела. Кай появляется у меня над головой и, глядя вниз, спрашивает:

– Ну как?

– Твердый, но удобный. Ничего в ребра не вбивается, а еще не скрипит.

– И размеры подходят.

– У тебя односпальная кровать? Не будет узко?

– Нет, даже ты поместишься, – отвечает он и, подхватив номер товара, идет к консультанту оформлять заказ.

Без него валяться на выставочном матрасе уже не так весело, поэтому я неловко сажусь и жду его возвращения.

– Ты была права, – говорит он, когда заказ оформлен. – Привезут только через неделю.

– Кошмар. И что будешь делать?

– Буду спать на полу.

– Но это же неудобно!

– А что делать?

– Давай купим спальник. Или надувной матрас?

– Может, сразу палатку, чтобы я еще и жил во дворе?

– Я серьезно!

Хватаю его за руку и тяну в отдел «Все для кемпинга». Надувные гостевые матрасы стоят неоправданно дорого для такого временного события, а вот спальник подходит идеально. К тому же сейчас скидки на летние легкие спальники.

– Дома у нас отопление, мерзнуть не будешь.

– А если я сплю голый?

Ему определенно нравится меня смущать, потому что я опять чувствую, как вспыхиваю с головы до пят, но все-таки нахожу в себе силы ответить:

– Все равно мужчин без обтягивающих лосин я не воспринимаю, ты прав.

В глазах Кая самый настоящий шок и безграничное отча-

ание, а я смеюсь до слез при виде испуганного взгляда, который он бросает на мужские кальсоны на распродаже.

– Понимаешь, – объясняю, – у тебя в комнате осталось кресло, в котором я любила читать. Вдруг я зайду, а там ты... В позе морской звезды и без одежды. И что тогда?

– Устроим совместное чтение, – пожимает плечами Кай. – Нет, правда. У тебя были отношения с парнями? Почему ты постоянно краснеешь, что я ни скажу?

– А у тебя?

– Были ли у меня отношения с парнями? – хохочет он.

– С девушками, конечно!

– Они у меня были, сестренка. Так что опыт, про который ты так живо интересуешься, у меня есть. А у тебя?

Мне снова стыдно, потому у меня все заканчивалось на поцелуях, и зайти дальше ни с одним я так и не решилась.

– Я не любила их, поэтому нет.

– Странно.... Потому что я тех девушек тоже не любил, но мне это не мешало.

Закатываю глаза.

– Но хоть кого-нибудь ты любил?

– Я люблю двойной бургер с сочной котлетой, холодное пиво и скорость. А девушек, с которыми проводил одну ночь? Нет. Любовь – это что-то другое.

Он замирает в миллиметре от меня, а я опять вынуждена запрокинуть голову. Слава богу, что я в маске, потому что у меня отчаянно пересохли губы, и я облизываю их под тка-

нюю, а не на глазах у Кая. Но он каким-то образом все равно это чувствует и опускает взгляд на бежевую ткань моей маски, будто смотрит на мои губы.

– И что же такое любовь? – произношу хрипло.

– Откуда мне знать, если я этого еще не чувствовал? Как узнаю, обязательно расскажу. Ты голодная?

Видимо, это разговоры про бургеры так на него подействовали. И только у меня сердце колотится где-то в горле от волнения.

– Очень хочу, – признаюсь. – Но на фуд-корте здесь никакой нормальной еды для меня не продается.

– А что тебе можно есть вечером?

– Например, спагетти с томатным соусом можно. Не полную тарелку, конечно.

– Тогда поехали домой. И я приготовлю.

– Для меня? Опять? Да я и сама могу.

– Брось, что сложного в том, чтобы отварить макароны?

Не нахожусь с ответом и говорю тихое «Спасибо».

Кай кивает и подхватывает купленный спальник на кассе. Остаток пути мы молчим. Ведет он действительно аккуратно, может, не хочет подвести отца в первый же вечер. Случайная царапина сейчас, и машину он больше никогда не получит.

Уютно устроившись на сиденье, я понимаю, что никогда не ощущала себя так хорошо, как в его компании, разве что только когда отец был за рулем. Но мы с ним уже давно ни-

куда не ездили вот так, как сейчас с Каем. Чтобы вдвоем ночью в дождь после веселого похода по магазинам и на исходе бесконечно тяжелого дня, когда так приятно смотреть на мелькающие от скорости фонари и хочется, чтобы не только дорога до дома, но и этот вечер длился вечно.

Глава 11

Ужин вышел обалденным. После я просто пришла в свою комнату и упала на кровать, не понимая, что со мной. Спагетти никогда не приносили столько счастья, как сейчас. Я не могла перестать улыбаться, пока вспоминала, как заливала кипятком помидоры, чтобы снять с них кожицу и сделать соус, и как чистила чеснок, пока Кай варил спагетти, а на гриль кинул кусок стейка для себя.

Мы говорили о бассейне и спортзале в цокольном этаже нашего спорткомплекса. Оказалось, что Кай любит плавать, но цены на абонемент его озадачили. Я видела, он не хотел подавать виду, но слишком поздно сделал лицо, будто ему все равно и, подумаешь, четырехзначная цифра.

Я никогда не знала стеснения в средствах и только сейчас задумалась, каково Каю. Он обмолвился, что мать давно не давала ему денег, и ему приходилось крутиться. Летом он подрабатывал в автомастерской. Чем он занимался сейчас, я спрашивать не рискнула. И так было понятно, что у гонок, вероятнее всего, есть призовой фонд.

Я потянулась к телефону и написала Лее. Если она сможет, ответит. Часовой пояс в Израиле несильно отличался от него, кажется, плюс или два часа, но было уже поздно. И Лея не ответила сразу. Надеюсь, я ее хотя бы не разбудила своим глупым вопросом.

Как узнать, что ты влюбилась?

Неужели я написала именно это? Я настолько сошла с ума, что хочу относиться к Каю не только как к новоиспеченному сводному брату?

Закрыла лицо руками. Боже, боже. Я видела, каким счастливым выглядел отец, когда мы вернулись. И потом... как же моя карьера? А данное самой себе слово не заводить отношения, чтобы потом не поддерживать их на расстоянии?

Переодевшись, я легла в постель. Долго крутилась без сна, хотя раньше отключалась, стоило головой коснуться подушки.

Вдруг на телефон пришло СМС. Похоже, я все-таки разбудила Лею.

Но на экране горело СМС от незнакомого номера.

«Ничего себе, никогда не видел таких номеров».

Я улыбнулась. Поскольку папа был генеральным директором новой сотовой связи, у нас с ним были уникальные номера. Обычных людей они вводили в ступор, поскольку мой номер сплошь состоял из нулей и только в конце были две цифры: 02. Папа шутил, что я вторая после него в компании, но на самом деле это был год моего рождения. Две тысячи второй.

«Зачем ты пишешь СМС-ки из другой комнаты?»

Ответ пришел моментально.

«Скучаю без матраса».

«Удобно?»

«Если честно, не очень. Хочешь сама попробовать?»

«Ну или пусти к тебе в кровать».

«Серьезно, балеринка. Это ужасно».

«Я сразу вспомнил, почему ненавижу походы».

«А еще я не закрыл окно. И теперь здесь даже комары».

Я глянула в прикроватную тумбу и написала: «У меня есть жидкость от комаров. Принести?»

«Подожди, я только оденусь».

Покачала головой и отправила: «Можешь не стараться. Без лосин я на тебя даже не взгляну»

«Поторопись... Я уже теряю сознание, они оставили меня без крови».

Я прижала телефон к груди, глядя ослепшими от яркого экрана глазами в потолок, а после, подхватив зеленую бутылочку, вышла в коридор. Должна ли я постучать? А если папа или Оксана услышат?

Я одернула себя. А что такого? Я просто проявляю вежливость.

Но дверь распахнулась сама. А Кай затянул меня в комнату раньше, чем я опомнилась.

– Какой у тебя тут холодильник! – я поежилась в бесформенной длинной футболке.

Кай улыбнулся, окинув меня странным взглядом. О боже! Я скрестила руки на груди и велела:

– Это было подло! Теперь закрой окно, а еще дай мне что-нибудь набросить. Как я могла поверить в комаров? Ведь на

улице ноябрь! Я замерзла.

– Я заметил.

Он дал мне батник на молнии, которым я могла, кажется, обернуться дважды. Я подтянула ноги к подбородку и села в любимое кресло.

Собранная кровать с голым каркасом стояла напротив окна, а возле – письменный стол. Шкаф с книжками остался на прежнем месте, но рядом поселился другой, для вещей Кая. В углу лежали и полки, которые еще нужно было прибить к стене. Свет падал только из окна. Обстановка совершенно изменилась, будто я никогда не читала тут книг и не зависала с телефоном.

Кай вовсе не был раздет, как пугал меня. На нем были футболка и боксеры. Он, очевидно, не стеснялся, тогда как я постоянно отводила глаза в сторону. Странно, почему? Ведь я видела много мужских ног в академии на тренировках: подтянутых, крепких, с выделяющимися мышцами, волосатых и не очень, чересчур худых. Но тогда почему вид голых ног Кая так сильно меня смущает? Это всего лишь колени и икры. А выше я не смотрю.

Благо еще и темно.

А в центре на ковре действительно расстелен спальник.

– Мама ведь предлагала тебе разложить диван в гостиной, может, передумаешь?

Кай скривился.

– И спать фактически под дверьми их спальни? Нет уж,

спасибо.

Я его понимала. Я в ту часть квартиры тоже не рискнула бы сейчас идти, когда Оксана с отцом закрылись в спальне.

– Ну давай, показывай, как ты спал, – киваю на спальник.

Кай мигом накрывался спальником и стал похож на раздувшуюся беременную гусеницу.

Он слишком высокий, даже не может вытянуть ноги.

– Похоже, он детский. Вот почему на кассе нас трижды спрашивали, уверены ли мы, что хотим его взять. Мы с тобой не похожи на тех, у кого уже есть ребенок.

– Да уж, так дело не пойдет! Придется взять одеяло, оно хоть тебе по росту?

Кай снова поднимается на ноги, а я резко перевожу взгляд в пол. Кай берет свернутое одеяло с кровати и снова ложится.

– Вот теперь удобно. Сама-то не замерзла?

Тру ледяные ноги, но пальцы рук тоже холодные. Я постоянно мерзну, поэтому почти всегда ношу носки и всегда включаю в квартире отопление выше среднего. Кай же устроил в своей комнате морозильник.

– Почему здесь так холодно?

– Открыл окно, люблю спать в холоде. Иди сюда.

Не будет ничего страшного, если я немного согреюсь под его одеялом? На мне его плотный батник, но он не помогает. А потом я перебегу в свою комнату, где меня ждут родные двадцать четыре градуса вместо выстуженных четырнадцати.

Опускаю ноги на пол и делаю два шага к нему. Откинув одеяло, Кай смотрит на меня снизу вверх. С ковра перехожу на расстеленный спальник, потом сажусь. Двигаюсь медленно, едва сдерживая волны расходящейся по всему телу дрожи. Это от холода.

Опускаю голову на подушку, и Кай набрасывает на нас одеяло.

– У тебя даже зубы стучат.

Говорит он очень тихо и так близко, что щекочет дыханием шею. По коже бегут мурашки, а потом он вдруг притягивает меня ближе.

– Быстрее согреешься.

Его голос тихий и хриплый. Рядом с ним тепло, уютно и очень приятно, и мне так не хочется вылезать обратно. Даже чтобы дойти до своей комнаты. Но как только согреюсь, я обязательно уйду.

– Лучше?

Нашла в себе силы, только чтобы кивнуть.

Он вдруг ведет пальцами по моим ребрам, а после по локтю выше, к плечу.

– Какая же ты хрупкая...

«Ничего подобного, – могла бы сказать я, – во мне аж сорок пять килограммов». Допустимый максимум для балерины, и если я поправлюсь хоть немного, обязательно придется садиться на диету, но слова застревают где-то в горле, а мысли испаряются из головы, стоит его пальцам скользнуть

по моей спине.

Чувствую, как он приподнимается на локте. Сама я лишний раз вздохнуть боюсь, сбитая с толку собственными ощущениями. Мне одновременно страшно ждать, что будет дальше или что сейчас все прекратится.

Легкий, невесомый поцелуй в щеку бьет, как удар тока. Ароматы табака, мяты и шампуня обволакивают, будоражат кровь. Согревают лучше любого одеяла. Следующий поцелуй – в уголок рта. Пальцы на моей талии даже сквозь два слоя одежды ощущаются слишком остро. Я словно задыхаюсь и тону, и в какой-то момент открываю рот в безмолвном стане и широко распахиваю глаза, когда он все-таки расстегивает на мне собственный батник.

В тот же момент Кай переворачивает меня на спину, нависая сверху. Волосы все так же падают на его лицо, а тени делают скулы еще более острыми. Светлые глаза полностью скрыты бездонными зрачками.

Он не улыбается. Только смотрит.

Освобождает левую руку и убирает с моего лица волосы. Очерчивает указательным пальцем щеку и подбородок. Ведет ниже по шее, до ворота футболки, а после наклоняется и впервые касается моих губ.

В тот же миг мир перед глазами вспыхивают разноцветные искры. Все вокруг начинает кружиться, стираясь в длинные яркие ленты. Я еще никогда не ощущала такой легкости, как сейчас. Словно парю наяву.

Слабые прикосновения Кая обжигают, как открытое пламя, наполняя меня неизведанными чувствами. Я совершенно не знаю, что делать, но не нахожу в себе силы оттолкнуть его. Сдаюсь в плен, позволяя вести меня.

Сталкиваюсь с ним зубами и носом, и раньше я бы сторела со стыда от неловкости, но теперь понимаю, что это часть игры. Странной, новой, запретной. Такой нужной именно сейчас.

Неожиданно понимаю, что отвечаю не только поцелуями. Вся аж выгибаюсь под его рукой, пока он продолжает ласкать меня через футболку, и ткань становится неприятно жесткой, нестерпимой. Хочется избавиться от нее, ощутить прикосновения кожи к коже. По-настоящему.

Его шероховатые пальцы все-таки спускаются ниже. Кай пробирается под футболку, касаясь моего подрагивающего живота.

А потом он поддевает кружево моих трусиков, и меня аж подбрасывает на месте. Уничтожающим шквалом на меня обрушиваются осознание реальности, стыд и страх. Сердце обрывается в груди, а в пищеводе растекается жидкое пламя.

Отбрасываю одеяло и самого Кая в сторону. Откуда только силы нашлись, не знаю. Вернее всего то, что он просто не был готов к моему сопротивлению и не стал давить.

Что я делаю?

Он ведь сын Оксаны. Не просто незнакомый парень, который мне понравился! Как я могла забыть, по какой причи-

не он вообще очутился в этой комнате, которая больше не кабинет для чтения? Теперь это совершенно чужая, запретная для меня территория. Спальня моего взрослого сводного брата.

А я разлеглась тут с ним под одним одеялом. Господи!

– Юль, спокойно.

Хочу улизнуть как можно скорее, но замираю перед дверью.

– Ты запер дверь? – не верю своим глазам. – Почему?

Кай уже рядом, снова непозволительно близко. Обдаёт жаром своего дыхания мою щеку, как раскаленная печка, к которой так хочется прижаться всем телом.

– А что я должен был подумать, когда ты все-таки пришла ко мне посреди ночи, балеринка? Вроде не маленькая, должна понимать последствия.

Щелкнул дверной замок, но сама я не сдвинулась с места. Его руки, которые он снова положил мне на талию, пригвоздили к месту.

– Отпусти, Кай... Мы не можем..

Но он только крепче стискивает меня в своих объятиях.

– Так нечестно, я первый тебя увидел.

– Ты держишь меня, Кай. Отпусти, пожалуйста...

– Не могу, балеринка, я бы хотел отпустить, но не могу...

А после он больно впивается зубами в мою шею, одновременно с этим расстегивая молнию батника, и тот мягко падает вниз, к моим ногам. Остаюсь перед ним в одной фут-

болке, сгорая от неясного желания и стыда. Мое сопротивление испытывает серьезное испытание на прочность, когда Кай проводит языком по месту укуса, а после шепчет:

– Хватит утаскивать мои вещи.

Вслепую нахожу дверную ручку и без всякого изящества буквально вываливаюсь в коридор.

Глава 12

СМС Леи приходит как раз, когда я забегаю в раздевалку. Прослушивание перенесли на два дня раньше, и сейчас у меня трясутся поджилки от страха. Я уверена, что завалюсь. Самостоятельно разобраться с танцем так и не вышло, что-то по-прежнему ускользает от меня. И впервые я думаю, что, может, и зря отдала балету каждую свободную минуту своей жизни.

«Привет, когда могу тебе позвонить?»

Лея часто пропадает на службе, когда с ней нет обычной связи. После моей ночной СМС-ки она вышла на связь только сейчас, и в голове у меня не укладывается, как моя подруга вообще служит в армии, но ей вроде нравится.

«Беги на прослушивание. Держи за меня кулачки. Набери тебя вечером?»

«Идет».

Быстро переодевшись, лечу за кулисы. Ева Бертольдovна заходит ненадолго ко мне и поправляет безупречный пучок.

– Слышала, твой отец скоро женится. Ты рада?

Если бы у Оксаны не было сына, все было бы куда проще.

Но при мысли о Кае сердце заходится ходуном, и я запрещаю себе думать о нем сейчас, так не вовремя. Переступаю с ноги на ногу и смотрю на преподавательницу:

– Отец уже пришел?

– Да, он в зале. И, кстати, не один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.